

Д. Ю. Бовыкин

Год 1795:

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕСТАВРАЦИЯ

**Французский ежегодник-2000,
посвященный 100-летию юбилею В.М.Далина. М.: Наука. 2002.**

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*. За предоставление материалов благодарим Автора и за энергичное содействие *Eleonore*.

При попытке выяснить, какую политическую группировку в ходе Французской революции конца XVIII в. можно было бы однозначно определить как правую, исследователю неизбежно придется оговорить, какой год, а то и месяц революционного десятилетия он имеет в виду. Мысль о том, что большинство группировок начинали как «левые» и заканчивали как «правые» давно уже является в историографии общим местом и не требует доказательств. Большинство, но не все. Пожалуй, единственным исключением составляют роялисты, постоянно остававшиеся на крайне правом фланге политического спектра.

Однако можно ли утверждать, что на протяжении всей Революции роялисты играли значительную политическую роль? Для 1789-1791 гг. это не вызывает сомнений. П. Нора справедливо отмечает, что в то время республиканизм оставался маргинальным политическим течением, и цитирует фразу Робеспьера: «Пусть, если хотят, обвиняют меня в республиканизме: я заявляю, что ненавижу всякую форму правления, где царствуют клики»¹.

Все меняется после Вареннского кризиса и начала войны. Каскад событий августа-сентября 1792 г. – штурм Тюильри, арест королевской семьи, провозглашение республики – и появляется ощущение, что роялизм отходит в тень, проявляя себя лишь местами и временами: в Вандее, в среде эмигрантов и заговорщиков, в Лионе, в Тулоне. Как о серьезной силе большинство историков начинает говорить о нем лишь к 1797 г., когда Директория была вынуждена произвести государственный переворот и отменить выборы, на которых одержали победу сторонники монархии. Формальный парадокс не может не удивлять: если допустить определенное упрощение, то к 1792 г. основная масса населения страны перестает симпатизировать крайне правым, а к 1797 г. роялистов внезапно оказывается столько, что они всерьез угрожают существованию республики.

Несмотря на это, из монографии в монографию кочует одна и та же мысль: высказываемые в 1792-1796 гг. претензии роялистов на победу не только беспочвенны – они просто смешны. Едва ли не нагляднее всего это показывает Е.В.Тарле в своей классической работе «Жерминаль и прериаля»: «Ничто не дает такой картины полного окостенения, духовной и политической смерти, как идеология и психология подавляющей массы роялистов в этом, 1795 г. Они самым искренним образом абсолютно ничего не понимали, ничего не желали понимать в происшедшем землетрясении и, ослепленные классовой ненавистью, надеялись повернуть обратно колесо истории. Все это был политический бред: даже и ограниченная монархия Бурбонов встретила бы в 1795 г. жестокое сопротивление»².

Если принять этот тезис на веру, крайне правые в 1792-1796 гг. заслуживают скорее жалости, нежели изучения. И действительно, количество работ на эту тему крайне невелико; как правило, они группируются вокруг нескольких наиболее ярких сюжетов – таких, как Вандея³, эмиграция⁴, «белый террор»⁵ – и чрезвычайно редко касаются общих вопросов⁶. Таким образом, загадка остается: даже если объяснять успех роялистов на выборах 1797 г. имущественным цензом, введенным по Конституции III года Республики, относительно спокойный переход к монархии остается совершенно не понятным.

* * *

Своеобразной отправной точкой для данной статьи можно считать встречающиеся у отдельных авторов разрозненные упоминания о том, что крайне правые отнюдь не превратились (по крайней мере, в 1794-1795 гг.) в столь же маргинальное политическое течение, каким можно считать республиканцев в самом начале Революции.

Определенные сомнения в этом способна уже заронить известная фраза А. де Токвиля о том, что после Термидора «Франция, которая перестала любить Республику, осталась, в основе своей, привязана к Революции»⁷. «Токвиль имеет в виду, – комментирует эту цитату Ф.Фюре, – что политический режим того времени не имел поддержки общественного мнения, не добился конституционного равновесия и даже не осуществлял реальной власти»⁸. Но разве «переставшая любить Республику» Франция и шаткий политический режим не создавали *реальные* предпосылки для восстановления монархии?

Определенный диссонанс присутствует и в работах авторов, принадлежащих к «якобинскому» направлению в историографии Революции. Исходя из тезиса о том, что Термидор – это явная контрреволюция⁹, они нередко утверждают, что «контрреволюционная политика термидорианцев расчищала им [роялистам. – Д.Б.] дорогу к власти»¹⁰. Причинно-следственная связь здесь представляется очевидной, и она четко прослеживается еще у А.Матьеза в его словах о Комитете общественного спасения: «Вчера – инструмент порядка и Общественного спасения, завтра – бед и анархии, орудие мести и репрессий. Вчера – красный террор, завтра – освобождение подозрительных и частичное возвращение эмигрантов. Послезавтра – белый террор»¹¹. Таким образом, термидорианцы *de facto* становятся союзниками роялистов, более того, «в среде самих термидорианцев было много людей, готовых пойти на восстановление монархии»¹². Однако в силу своих классовых, имущественных интересов союзниками они оказались на удивление непоследовательными – в определенный момент термидорианцы прозревают и осознают, что «Тальены, Баррасы не для того залили свои руки кровью и совершили чудовищные преступления, чтобы затем возвращать свои особняки и поместья каким-нибудь эмигрантам из Лондона». Исходя из этого, пояснение, что после провозглашения королем Людовика XVIII летом 1795 г. «термидорианцы поняли, что никакого компромисса с роялистами быть не может»¹³, представляется явно избыточным.

Однако, на мой взгляд, и такая интерпретация событий вызывает немало вопросов. Едва ли многим термидорианцам могло прийти в голову, что восстановление монархии не подразумевает возвращение эмигрантов и урегулирование, тем или иным способом, имущественных споров. Едва ли камнем преткновения стали бы именно материальные интересы – король готов был обещать золотые горы тем, кто возвел бы его на трон, да и вряд ли можно говорить об особняках и тем более поместьях, применительно ко многим депутатам того времени: не забудем, что тот же, к примеру, Тальен уже при Наполеоне остался без средств к существованию¹⁴ и умер в полной нищете¹⁵.

Однако наряду с этими мыслями – скорее, подводящими к выводу о невозможности победы крайне правых – в историографии встречаются и иные высказывания.

«В первые месяцы 1795 года, – считает М.Ж.Сайденхэм, – существовала, быть может, самая благоприятная возможность, которая когда бы то ни было предоставлялась для реставрации конституционной монархии во Франции»¹⁶. «Разрушительная работа была, можно сказать, слишком успешна, – добавляет А.Коббен, – поскольку она выходила далеко за пределы намерений и ожиданий термидорианцев, подхваченная порывистым ветром общественного мнения, овевающим Францию и приносящим с собой надежды на реставрацию монархии. Отныне проблема для историка – не почему монархия пала, а почему она не была восстановлена»¹⁷. «Имел место значительный поворот против революции и, усиливаясь в 1795 г., со дня на день возрастали шансы монархической реставрации, – высказывает свое мнение Ф.Анжеран, автор книги об известном роялистском шпионе Анже Питу. – Власть Конвента подошла к концу, и все предвещало, что выборы приведут к власти если и не явных роялистов, то, по меньшей мере, конституционных»¹⁸.

Столь существенная разница в отношении историков к возможности победы крайне правых в 1795 г. заставляет присмотреться к этому сюжету более внимательно. Очевидно, что при отсутствии убедительных доказательств правильности как одной, так и другой гипотезы («реставрация в принципе была невозможна» – «реставрация не произошла лишь чудом») исследование должно вестись сразу по двум направлениям, соединяя анализ настроения политических элит с изучением желаний и чаяний основной массы населения. И первый вопрос, который возникает на этом пути: действительно ли «порывистый ветер общественного мнения» наполнял паруса роялистов? Ведь что бы ни планировали сторонники монархии как внутри страны, так и за ее пределами, едва ли они имели бы шансы на успех при отсутствии поддержки со стороны народа Франции.

«Беспомощная и незаметная республика»

«Наша республика – беспомощная и незаметная» («*nulle et invisible*»), говаривали остроумцы времен Термидора, издеваясь над официальной формулой – «республика единая и неделимая» («*république une et indivisible*»). Но имели ли они для этого реальные основания?

Несомненно, республику никто не отменял. Более того, ни в Конвенте, обсуждавшем летом 1795 г. новую конституцию, ни в Комиссии одиннадцати, ответственной за подготовку ее проекта, вопрос о выборе формы правления практически не поднимался. П.Ш.Л.Боден, выступая от имени Комиссии, нашел тому удобное оправдание: ведь уже при избрании депутатов в 1792 г. нация дала им мандат на отмену королевской власти, что и было зарегистрировано в многочисленных протоколах выборов¹⁹. Этот факт старательно преподносился депутатами, как абсолютно очевидный; Боден даже писал в одной из своих работ, имея в виду надежды на реставрацию монархии: «Я с трудом могу объяснить себе безумие тех, кто способен питать столь преступную надежду перед лицом мнения, высказанного столько раз и столь торжественно самой могущественной нацией во Вселенной»²⁰.

Однако при Термидоре подобная точка зрения уже начинает активно оспариваться в публицистике. «Довольно необычно, – отмечал автор анонимного памфлета «Несколько размышлений о принятии конституции 1795 года», – что доверители (*commettans*) узнали от своих уполномоченных²¹ о распоряжениях, который они сами же отдали». Может быть, прежде чем обсуждать республиканскую конституцию, стоит узнать, хочет ли народ республику²²? Тем более, что, как напоминает своим читателям издатель газеты *Le libre penseur*, для упразднения монархии первичные собрания даже не созывались²³.

А раз так, полагали многие публицисты, сейчас и есть самый подходящий момент узнать мнение народа. «Что с того, что ты республиканец, – прямо спрашивал Ж.Т.Рише-Серизи²⁴, обращаясь к депутатам, – если Франция хочет монархию? Что с того, что ты роялист, если Франция хочет республику? Ты уполномоченный (*mandataire*) или хозяин? Ты основываешь одну из этих форм правления только для себя или для народа? Сейчас речь больше не идет о том, чтобы знать, республиканец ли ты; речь идет о том, чтобы знать, хочет ли им быть народ»²⁵. По словам одного из прусских советников, вернувшихся из Парижа, влиятельный депутат Конвента А.К.Мерлен (из Тионвиля) во время обеда однажды сказал: «Всем известно, что я республиканец, но необходимо знать мнение Нации; если большинство выскажется за короля, то король необходим, а меньшинство, которое выступит против, будет рассматриваться как клика и будет подавлено»²⁶.

Примерно о том же самом шла речь и в письмах, получаемых Комиссией одиннадцати. Если хотите стабильности, говорилось в одном из них, обратитесь к национальному характеру французов. Руссо, Монтескье – за республику ли они? Отнюдь нет, они за «монархическое правление, умеренное демократией»²⁷. «Когда нравы в целом хороши, можно принять демократию, несмотря на ее бури. Когда они плохи, стоит прибегнуть к аристократии. Когда же они очень плохи, лишь единый хозяин может сохранить государство. К сожалению, именно последний случай наш», – высказывал свое мнение другой корреспондент²⁸. В принципе, в сегодняшних условиях, размышлял третий, можно учредить «монархическую республику»²⁹ с наследственными главой государства и членами Сената³⁰.

Однако не стремление заставить Конвент обсудить этот вопрос доминировало в общественном мнении. Гораздо важнее иное: за прошедшие годы республика у многих стала ассоциироваться с Террором и беззакониями, голодом и нестабильностью. В ходе руанского восстания в начале апреля 1795 г. повстанцы кричали: «Во времена короля у нас был хлеб!»³¹. Те же мысли мы видим и в расклеенной в департаменте Сены-и-Уазы листовке: «Французский народ, вернись к твоей религии и твоему законному королю, и у тебя будут мир и хлеб»³². Иными словами, в обществе постепенно появлялись представления о том, что республика сама по себе не решает ни социальных, ни экономических проблем, возникала ностальгия по «старым добрым временам». Не эта ли тенденция, доведенная до логического завершения, звучит в словах одного из эмигрантов: «Существование вандейцев и шуанов – заслуга Конвента»³³?

Если раньше у многих сторонников нового порядка крепка была вера в то, что все трудности – временные, что они – справедливая и разумная плата за обретение свободы, то «при Термидоре внезапно стало очевидно: Революция устала, Революция постарела»³⁴, а «королевский произвол», который с такой страстью клеймили авторы памфлетов в 1789-1792 гг., – ничто по сравнению с Террором. В памфлете, опубликованном в самом начале Директории, приводится весьма характерное высказывание, приписанное Э.Ж.Сийесу: «Я предпочитаю монархию республике не для того, чтобы лелеять прежние привычки и не из какого-то полного предрассудков отношения к роялизму. Я ее предпочитаю потому, что для гражданина больше свободы при монархии, нежели при республике»³⁵. Сказывалась и слабость республиканских традиций: монархия во Франции существовала более тысячи лет; республика – меньше трех. «Недостаточно дать Франции республиканскую конституцию, – говорилось в одном из памфлетов VI года, – надо, чтобы сознание, нравы и образ действий нации видоизменились в соответствии с республиканской системой»³⁶.

Стремясь как можно скорее забыть недавнее прошлое³⁷, как можно резче и четче дистанцироваться от наследия диктатуры монтаньяров, термидорианцы подвергали активной и публичной критике события 1793-1794 гг., предавая гласности многое из того, что до тех пор оставалось неизвестным или не осознавалось основной массой населения страны, ориентировавшейся лишь на свой собственный опыт, приобретенный на локальном уровне. Стремясь показать и доказать, что Конвент «очистился», «осознал свои ошибки», изменился, термидорианцы, сами того не желая, закрепляли в общественном сознании устойчивую ассоциацию между республикой и эксцессами, с одной стороны, и между Конвентом и республикой, с другой – ведь провозглашение республики произошло в самом начале работы Конвента и никакой другой республиканской власти люди к 1795 г. еще на себе не испытали. «Народ, среди которого тираны выбирали или брали наугад ежедневно сотни жертв, не может по своей воле оставаться в подобном состоянии, – утверждал, говоря о республике, автор опубликованного в Берне памфлета, – надо лишь помочь ему из него выйти. Если Конвент и может что-то сделать, так это либо позволить вернуться к королевской власти, либо уничтожить себя – по отдельности или сразу»³⁸.

Сосредоточив в своих руках неограниченную власть и активно вмешиваясь в управление на местах, Конвент тем самым брал на себя ответственность за все, происходившее в стране. При Термидоре настало время платить по счетам. Как отмечали многие современники, в то время «всеобщим чувством была ненависть, скорее живая, нежели глубокая, к Конвенту и его депутатам, от которых всеми силами хотели избавиться»³⁹. «Правление Конвента, – вспоминал позднее маршал О.Мармон, – не поддерживаемое более казнями, было низко и достойно лишь презрения; все честные люди желали его свержения»⁴⁰. Но что говорить о людях, которые смотрели на Конвент со стороны, если даже Л.Ларевельер-Лепо, один из его депутатов, писал впоследствии, что Конвент в то время был «лишь неорганизованной толпой, разнородной массой, составленной из бессвязных остатков всех партий, которые одна за другой брали в нем верх и терпели поражение»⁴¹.

Сходный анализ политической ситуации во Франции нередко встречается и в дипломатической переписке. Так, в докладе, подготовленном для английского правительства в апреле 1795 г., говорилось: «О Республике, Свободе или Равенстве не говорят иначе как с весьма выразительными гримасами; о представителях народа – иначе как с напускным презрением»⁴². «Все сходятся во мнении, – отмечал австрийский канцлер барон Тугут, основываясь на словах офицеров коалиции, вернувшихся из французского плена, – что на самом деле едва ли не все французы недовольны Конвентом и нынешним положением дел, что большинство желает руководителя, статхаудера, президента, короля или кого-либо другого для гарантий и поддержания собственности и общественного порядка»⁴³.

Информатор, которому весьма доверял полномочный министр (посол) России во Франции И.М.Симолин⁴⁴, сообщал: «Ежедневно являя собой скандальную картину беспорядка, Конвент полностью утратил уважение к себе. Свобода уже использована, равенство также выходит из моды». Хотя на словах роялизм и ненавидят, продолжает тот же источник, «я ничуть не буду удивлен, если следующим Идолом станет Король»⁴⁵. Созвучны с этим и сведения, которые в Санкт-Петербурге получали из Англии: «Есть хорошие новости, что Франция дошла до крайней нищеты, что повсюду устали от Республики, и что все согласны призвать Короля, не заботясь ни о какой конституции. Говорят только о Короле»⁴⁶. Позднее, в конце июля, в депеше из Австрии будет отмечено, что «французский народ увлекает за собой Конвент, и, следовательно, эта ассамблея не может ни эффективно противиться восстановлению монархии, ни надолго откладывать его»⁴⁷. В конце 1795 г. вернувшийся из Парижа франкфуртский купец скажет, что «во Франции нет честного человека, который не говорил бы плохо о революции»⁴⁸.

Трудно ответить на вопрос, насколько эта нелюбовь к Конвенту была действительно «всеобщей». Построение «истинной» и «безупречно корректной» реконструкции общественного мнения революционной эпохи в принципе сопоставимо с работой Данаид, поскольку даже один факт способен ее существенно изменить. Если вспомнить, что Конституция III года была одобрена на референдуме⁴⁹, легко сделать вывод о том, что население Франции в целом и целом было склонно принять республику. Если же учесть, что в референдуме приняло участие примерно 14-17% имевших права голоса⁵⁰, а, скажем, граф д'Аллонвиль вспоминал, что видел, как в протоколах первичных собраний, сообщающих об одобрении Конституции, часто стояло: «За неимением лучшего», «В ожидании лучшего»⁵¹ картина существенно меняется.

И все же, на мой взгляд, немаловажным показателем отношения к Конвенту может служить тот факт, что его депутаты до такой степени не надеялись завоевать большинство в новых органах власти на выборах осенью 1795 г., что даже приняли для этого специальные декреты, вошедшие в историю как «декреты о двух третях»⁵² и предусматривавшие обязательное переизбрание в новый Законодательный корпус не менее двух третей членов Конвента. И, несмотря на то, что необходимость подобной меры была мотивирована желанием сохранить республику, на референдуме за декреты проголосовало впятеро меньше народа, чем за Конституцию, а многие первичные собрания в своих протоколах о них даже не упомянули.

Но свидетельствовало ли отсутствие симпатий к Конвенту и недовольство республикой о желании отказаться от нее и вернуться к монархии?

Д. Ю. Бовыкин
«Роялизм дерзко поднимает голову...»

Именно так характеризует ситуацию автор одного из писем, направленных в Комиссию одиннадцати в период подготовки новой конституции. И, следует признать, он не преувеличивает: политическая ситуация в 1795 г. настораживала многих.

На парижских улицах раздавались крики: «Да здравствует Людовик XVIII!»⁵³ и оскорбления в адрес Конвента⁵⁴, в разговорах нередко звучала ностальгия по временам Старого порядка⁵⁵, завсегда и кафе открыто отказывались считать себя «гражданами» и «добрыми республиканцами»⁵⁶.

Но и в провинции картина была не лучше. В одной из газет того времени говорилось, что если в Париже «движения 1 апреля»⁵⁷ сопровождалось проякобинскими лозунгами, то в провинции кричали: «Да здравствует король!»⁵⁸. «Много слабых людей, множество роялистов и многие заключенные времен террора таят в своих сердцах лишь желание мести, – сообщал в Конвент аноним из Страсбурга 18 флореаля (7 мая). – Все они занимают общественные должности (*fonctionnaires publics*)». Более того, «как на подлецов смотрят на тех, кто купил национальные имущества; к королю привязаны в той же мере, в какой сердцу народа близка мания не принимать никаких денег, кроме эю, отчеканенных во времена последнего короля Франции и французов»⁵⁹.

«Сегодня, – отмечал в преамбуле своего проекта конституции некто Доксон из Лиму (департамент Од), – терроризм и патриотизм связывают друг с другом, несмотря на их исчезновение». «Несмотря на намерения Национального Конвента, со всех сторон взывают к эмигрантам и королевской власти». «Опасность неминуема, роялизм подступает со всех концов республики»⁶⁰. «Комитет одиннадцати не может не замечать, что роялизм дерзко поднимает голову во всех департаментах Запада, – писал 21 прериаля (10 мая) Л.Лемарешаль, мэр маленькой коммуны Сувине, вынужденный бежать в департамент Сарта. – Они имеют связи почти со всеми другими департаментами республики; священники, аристократы, знать, магистраты, финансисты, буржуа – все желают королевской власти». Они представляют ее, «как конец всех зол», как «изобилие необходимых для жизни вещей». «На протяжении последних 10 месяцев честные республиканцы покидают свои жилища и более 3000 добрых граждан погибло в департаментах Майенн и Сарта»⁶¹.

Отметим, что письма, предупреждавшие об усилении роялистской активности, шли не только в Комиссию одиннадцати. Об этом же корреспонденты с мест писали и в другие комитеты Конвента, а также отдельным депутатам⁶². Аналогичное ощущение складывалось и у представителей Конвента в миссиях. Так, например, 12 мая Мерлен (из Тионвиля) писал Ф.А.Мерлену (из Дуэ): «У нас нет ни конституции, ни правительства, роялизм надвигается; фанатизм⁶³ вновь разжигает свои факелы, надежды покинувших родину предателей оживают вновь»⁶⁴. К осени ситуация не изменилась. 21 сентября находившейся в миссии в департаменте Вар М.Инар делился с Сийесом своими мыслями: «Именно нынешняя организация Республики и недействующая социальная машина в целом составляют силу роялизма и приведут к тому, что он может рано или поздно восторжествовать»⁶⁵.

Впрочем, необходимо уточнить, кого именно в ту эпоху называли «роялистами» и «контрреволюционерами»⁶⁶. Возможно, употребление этих понятий в приведенных выше документах говорит, по большей части, лишь об образе мыслей авторов, на который, безусловно, оказывал влияние официальный дискурс – как якобинский, так и термидорианский. Не исключим также отдельных провокаций на местах, должных имитировать роялистскую активность, чтобы вызвать соответствующую реакцию властей⁶⁷.

Однако и современные исследования подтверждают, что активизация крайне правых в ту пору – отнюдь не иллюзия и не обман зрения. В долине Роны «власть республиканского государства фактически была поставлена под сомнение»⁶⁸. В Пюи-де-Доме и ряде других департаментов возникла «Роялистская ассоциация», «действовавшая то полуофициально, то подпольно», в ее ряды вливались тайно возвращающиеся из-за границы эмигранты. Члены ассоциации приносили клятву верности религии и королю и брали на себя обязательство сохранять деятельность организации в полном секрете⁶⁹. На улицах Авиньона раздавались призывы: «Долой Республику, долой Конвент, мы хотим короля!»⁷⁰. Тремя основными требованиями, выдвигавшимися населением Ко в условиях продовольственного кризиса и антирелигиозной политики стали требования хлеба, церкви и короля. В этом регионе также начались активные роялистские выступления, спиливают деревья свободы, нередко звучит: «Да здравствует Людовик XVIII!»⁷¹.

Активизировалась и роялистская пропаганда в печати – она велась через издания и листовки, как присылаемые из-за рубежа, так и публикуемые внутри страны. Естественно, она старалась эксплуатировать те же мотивы: стремление к порядку и благополучию. «Откройте, наконец, свои глаза, о, французы! – говорилось в послании лидеров вандейского мятежа, составленном от имени Людовика XVII. – Вернитесь к нам, вернитесь к самим себе»⁷². «Анархия правила и правит до сих пор, – утверждал автор одного из эмигрантских памфлетов, – этот монстр влечет за собой в потоках крови опустошение, голод и безнадежность». Надежда, считал этот анонимный публицист, лишь в возвращении королевской семьи к управлению страной⁷³.

Крайне любопытно посмотреть под этим углом зрения подборку газет. Складывается ощущение, что многие из них если и не симпатизировали роялистам, то, по крайней мере, делали все, чтобы вызвать подобные симпатии у населения. «До каких пор вы будете оставлять общественное мнение на милость газет, продавшихся аристократии и роялизму?» – спрашивал один из жителей Нерака в письме в адрес Комитета Общественного спасения⁷⁴. И его не сложно понять.

Для того, чтобы быть в курсе всех новостей монархического движения не надо было состоять в переписке с эмигрантами – хватало чтения газет. Там были опубликованы и подробные сведения о Веронской декларации, принятой Людовиком XVIII сразу после восшествия на престол, и обращение принца Конде⁷⁵ к армии по случаю смерти Людовика XVII⁷⁶, и сообщение о том, что Конде отслужил заупокойную мессу по скончавшемуся мальчику⁷⁷, и даже письмо Папы Пия VI к Людовику XVIII⁷⁸. Широко обсуждались и роялистские мятежи – например, восстание в Руане⁷⁹. Способ подачи материала также весьма показателен: в статье о Веронской декларации читаем, например, что новый король «обещает снисходительность и прощение: он требует восстановления древней монархии, которую представляет, как единственный гарант свободы и собственности»⁸⁰.

Нельзя не отметить и кампанию в прессе в пользу освобождения Людовика XVII и его сестры Марии-Терезы-Шарлотты – двух последних членов королевской семьи, оставшихся в живых и пребывавших в Тампле – старом замке ордена тамплиеров в парижском квартале Марэ. Открыто публикуется памфлет под названием «Одно слово о двоих, о которых никто не думает, и о которых хотя бы один раз надо подумать» – его автор выступает за смягчение тюремного режима⁸¹. После смерти мальчика в июне 1795 г. публицисты и журналисты становятся еще более настойчивы. Так, *Courier républicain* публикует на своих страницах стихотворение, где дочь Людовика XVI называется не иначе как «жертва», «несчастливая», «ягненок»⁸². А *Courier universel* вначале просто пишет о необходимости освободить из тюрьмы дочь Людовика XVI, затем через несколько номеров публикует петицию граждан Орлеана с аналогичным требованием и, наконец, сообщает о получении множества положительных откликов на эту петицию⁸³.

Не выходя из дома, можно было получить и исчерпывающую информацию о различных претендентах на престол. В зависимости от склонностей читателей либо сухо и лапидарно⁸⁴, либо подробно и красочно. Роялисты, сообщает «Цензор газет», «разделены на пять групп. Самая большая требует короля конституционного, герцога Шартрского⁸⁵. Самая активная требует короля иностранного, герцога Йоркского⁸⁶. Самая элегантная требует короля абсолютного, графа д'Артуа. Самая боевая требует короля воинственного, принца Конде. Наиболее приверженная принципам требует короля легитимного, Месье»⁸⁷. А памфлетисты могли позволить себе и большее – например, высказаться в пользу Бурбона «как государя легитимного (какой бы худой монарх он ни был)»⁸⁸.

«Роялизм завоевывал общественное мнение, – отмечают Ф.Фюре и Д.Рише. – Слабо маскируясь, он утвердился практически в большинстве газет»⁸⁹. Однако подобная ситуация требует, на мой взгляд, отдельного комментария. Как могло случиться, что Конвент, жестко подавляя все выступления против своей власти и осознавая роялистскую опасность, одновременно закрывал глаза на промонархическую пропаганду?

Прежде всего, несомненно велась и контрпропаганда: другой вопрос, в какой мере она достигала своего результата. На стремление правых связать воедино революцию, республику, отсутствие реальной свободы и нестабильность, депутаты Конвента отвечали четко нацеленными контрударами. «Для вас, роялистов, которые не могут представить себе Францию без господина, перед которым вы склоняете свои рабские головы, настало время дерзко поднять их на глазах остальной нации, – говорил Боден, выступая 1 фрюктидора (18 августа 1795 г.) от имени Комиссии одиннадцати. – Испробуйте по отношению к ней все интриги и все способы соблазнить ее, чтобы вернуть обратно под то же ярмо. Представьте ей картину революционных бедствий: наша кисть не затушевывает ее, мы делаем все, чтобы с ними бороться и чтобы не допустить их возврата. А вы, что предложите вы своей родине? Новую революцию со всеми ее ужасами, примеров которых вы немало найдете и в истории монархии, которая вам видится, тем не менее, единственным убежищем от революционных волнений и единственным способом обеспечить всеобщее спокойствие»⁹⁰.

Революционные пропагандисты пытались сыграть и на иных струнах: для того ли народ делал Революцию и преодолевал все трудности, чтобы сейчас добровольно отказаться от своих завоеваний? Как один из примеров можно привести расклеенное в Париже⁹¹ и тогда же появившееся в прессе⁹² письмо некоего солдата Северной армии по имени Фронд, в котором говорилось: «Король для тех, кто сражался с тиранами и победил их! Для того, чтобы вы добились своего, вам надо известить всех патриотов, назвав их террористами. Да, мы внушаем ужас (*terreur*) всем врагам нашей революции»⁹³. Правда, эффект этой прокламации вполне мог быть снижен опубликованными тогда же намеками на авторство депутата Конвента Ж.-Б.Луве и сомнениями, что текст этот действительно написан солдатом⁹⁴.

Важнее, однако, другое: вопрос о цензуре был непосредственно завязан на проблемы свободы печати. Когда 12 флореаля (1 мая) по докладу М.Ж.Шенье был принят декрет, предусматривавший изгнание из страны за речи против Конвента или в пользу восстановления монархии, и направленный, в том числе, и против свободы печати⁹⁵, в прессе разразился скандал. «Говорят, что свобода писать, положившая начало революции, совершенно бесполезна для того, чтобы революцию закончить, – саркастически восклицал Галлэ в *Courrier universel*. – Она даже опасна. Да, опасна – для тиранов. Поскольку только она может их победить. Станут ли писать опытные заговорщики – они же самих себя выдадут? Роялисты не те, что пишут»⁹⁶. Каждая попытка применения закона, направленного против журналистов, тут же вызывала ответную реакцию⁹⁷. Вероятнее всего, власти осознали, что позволить себе и дальше настраивать против Конвента общественное мнение они просто не могут: закону суждено было работать вопреки.

Кроме того, не только журналистам, но и многим депутатам претила сама мысль об ограничении свободы прессы, и они нередко высказывались подобно Бодену: «Пишут, что шуанские и анархические журналы продолжают безнаказанно нападать на законодателей и правительство. По правде говоря, граждане, мне кажется, что вы слишком мало верите в стабильность республики и конституции⁹⁸, если вы опасаетесь, устоят ли они перед чтением памфлета»⁹⁹. Цензура устойчиво ассоциировалась с временами диктатуры монтаньяров, когда свобода слова была существенно ограничена. В архивах сохранился любопытный диалог, присланный одним из русских информаторов во Францию. По его словам, он весной 1795 года, будучи в Бургундии, обратился к встреченному им крестьянину с вопросом: «Ну что, вы наконец-то счастливы после падения Робеспьера?». И услышал в ответ: «Увы, месье, при Робеспьере мы страдали и не осмеливались об этом сказать, а после его смерти мы страдаем и смеем об этом говорить». «Вот в двух словах современное положение дел во Франции», – добавляет источник¹⁰⁰, и при всей его очевидной тенденциозности приведенные слова видятся мне достаточно показательными.

К тому же промонархическими публикациями отличались не только критически настроенные по отношению к властям издания – вносили в это свой вклад даже самые что ни на есть республиканские газеты. Пора от войны с роялистами перейти к переговорам, призывал *Courier républicain*. «Речь идет не только о том, чтобы с ними говорить, чтобы давать им уроки, – необходимо также и слышать их, выслушивать их возражения, их претензии»¹⁰¹. Немало и иных примеров. Так, в конце июня *La Sentinelle* Лувэ опубликовал большую статью, посвященную связям членов Клуба кордельеров с принцами Орлеанского дома. Ее автор пребывал в уверенности, «что со 2 сентября¹⁰² до 9 термидора Республики не было, что все преступления, совершенные на протяжении этих двух лет, были совершены заговорщиками» – имелось в виду, что «столькие злодеяния, не имеющие ничего общего с республикой, были направлены против нее и были злодеяниями роялистов». В их же интересах проводился и террор¹⁰³.

Таким образом, старая идея о том, что Робеспьер был хорошо замаскировавшимся роялистом, получала второе рождение. Автор одного из памфлетов той эпохи прямо пишет, что «преступная факция роялистов» старается добиться «возвращения какого-нибудь Робеспьера»¹⁰⁴. Правый и левый фланги в сознании обывателя начинали смыкаться, отношение к роялизму переставало быть однозначным, приобретая вместе с размытостью и амбивалентность.

Резонный вопрос: насколько корректен этот подбор цитат? Не вычленены ли они искусственно из куда большего множества высказываний, авторы которых безоговорочно поддерживают республику? Бесспорно, была и обратная сторона: стремление к стабильности легко спутать со стремлением вернуться к монархии. Вот как писал об этом, например, Ж.Ж.Ленуар-Ларош, известный в то время публицист: «Однако стоит отметить, что в их [роялистов. – Д.Б.] числе немало тех, кто, принимая идеи роялизма, имеет в глубине души лишь стремление и необходимость справедливого и прочного правительства. Сравнивая относительное спокойствие, которым они пользовались при монархии, с конвульсивными волнениями сегодняшнего порядка вещей, они воспринимают настоящее лишь через прошлое»¹⁰⁵. «Если факционеры требуют хлеба, чтобы получить короля, а народ требует короля, чтобы получить хлеб, – отмечали два других памфлетиста. – Не делайте вывод, что он думает о монархии»¹⁰⁶.

Сделать поправку на эти факторы, несомненно, разумно. И все же эти весьма неоднородные фрагменты мозаики складываются, на мой взгляд, в единую картину. Можно утверждать, что они не репрезентативны, что и эмигранты, и депутаты Конвента смотрелись в кривое зеркало общественного мнения, пусть даже изготовленное – сознательно или бессознательно – их собственными руками. Но лейтмотив этой сложной и неоднозначной мелодии не вызывает сомнений: «Сожаления о королевской власти повсюду высказываются публично»¹⁰⁷, идеи и призывы роялистов становятся тем более популярными, что монархия после стольких лет Революции начинает ассоциироваться со стабильностью и порядком. А на смену стремлению к переменам приходит стремление к спокойствию.

«Столь же добрый роялист, сколь вы и я...»

По прочтении приведенных выше документов невольно складывается ощущение, что калейдоскоп повернулся, и глазам теперь предстает совсем иной узор. Ностальгия по монархии, более или менее явное стремление к ней в 1795 г. все чаще дают о себе знать. Однако очевидно, что для успеха правых нужны были реальные политические силы, способные и желающие возвести на трон короля.

Разумеется, крупнейшей политической силой оставался в то время Национальный Конвент. Он стремительно терял свою популярность, однако по-прежнему жестко контролировал положение в стране и едва ли наиболее реалистичные сценарии реставрации могли обойтись без его участия.

Переписка русских дипломатов показывает, что, несмотря на все желание видеть на французском престоле Бурбонов, влияние Конвента они оценивали весьма трезво. Так, в начале июля граф Воронцов сообщал в Петербург, что, по словам прибывшего в Лондон из французского плена генерала Огара, «хотя Конвенция во всеобщем презрении в Париже находится, однако же все французские армии повинуются ей усердно и подобоострастно»¹⁰⁸. В немалой степени это укрепление влияния Конвента обеспечивалось успехами во внешней политике: в начале апреля Пруссия подписала с Францией Базельский мирный договор, в мае был заключен мир с Голландией, 22 июля – с Испанией. Одновременно шли так ничем и не завершившиеся переговоры с Австрией, а английский парламент обсуждал, не стоит ли подписать аналогичное соглашение и Георгу III. Не случайно в декабре 1795 г. вице-канцлер граф И.А.Остерман информировал посла в Вене графа А.К.Разумовского: «Правда, что Конвент, несмотря на испытываемую к нему ненависть, поработил всех под своим ярмом, но он внушает страх внутри страны лишь потому, что его успехи вонне чрезвычайно велики»¹⁰⁹.

В то же время, как это не покажется парадоксальным, в дипломатической переписке постоянны упоминания о том, что часть, если не большинство депутатов Конвента желает восстановления монархии. Так, 28 марта (8 апреля) Разумовский отмечал: «Когда бешеных¹¹⁰ постигнет та судьба, которую они заслужили, оставшаяся часть Конвента вместе с Шареттом во главе его армии положат последний камень в дело восстановления монархии»¹¹¹.

На первый взгляд, слова «промонархически настроенный Конвент» выглядят оксюмороном. С трибуны Конвента не раздавалось призывов к реставрации королевской власти – напротив, в речах его депутатов звучат клятвы в ненависти к роялизму. На официальном уровне лейтмотивом Термидора оставался лозунг: «Ни короля, ни анархии», под которой тогда понимали возвращение ко временам диктатуры монтаньяров. И все же в историографии Революции нередко высказывается уверенность в том, что среди членов Конвента было немало роялистов. Известный в середине XIX в. журналист И.Кастиль даже называет этих депутатов поименно: Ж.-Д.Ланжюине, Ж.-Л.Тальен, С.Л.М.Фрерон, Ф.-А.Буасси д'Англа, Ж.Ж.Р.Камбасерес, П.Ф.И.Анри Ларивьер, Л.Г.Дульсе-Понтекулан*, П.-Л.Бентаболь, А.-М.Инар, Ж.Дефермон и ряд других¹¹². А.Вандаль так же подчеркивает, что многие из термидорианцев «были менее всего республиканцами»¹¹³. Е.В. Тарле не сомневается, что многие из вернувшихся в Конвент жирондистов, «сами иногда в том не признаваясь, все больше и больше приближались к монархистам. А иные просто стали монархистами»¹¹⁴. Добавим к этому и многочисленные упоминания о том, что лидеры термидорианцев – Тальен и Баррас – вступили в переговоры с роялистами, выдвигая следующие условия: не ворошить прошлое и сохранить нажитые за время революции состояния¹¹⁵. Ряд историков уверен, что подобные переговоры вели даже некоторые члены Комиссии одиннадцати, ответственной за выработку нового проекта Конституции¹¹⁶.

Отметим однако, что никто из упомянутых авторов не привел никаких реальных доказательств в пользу своей точки зрения. Не удалось их найти и в мемуарах современников – тех членов Конвента, которые обвиняли своих коллег в преданности интересам монархии. Если верить заметкам М.-А.Бодо, то переговоры с роялистами вели не только Тальен и Баррас, но также Фрерон и Камбасерес. Более того, всем четверым вроде бы даже удалось получить от графа Прованского письма, дарующие помилование; Тальен же помимо этого открыто пособничал роялистам, находясь в миссии в Туре¹¹⁷. Ларевельер-Лепо в своих мемуарах также отмечает наличие в Конвенте достаточной сильной роялистской группировки¹¹⁸ и намекает на симпатии к роялизму Буасси д'Англа, Анри-Ларивьера, Лаайэ¹¹⁹, Ф.Обри «и многих других менее известных»¹²⁰. Граф д'Аллонвиль вспоминает, что дижонские роялисты восхищались покровительством им комиссаром Конвента Ж.Майлем**, весьма двусмысленно голосовавшим на процессе Людовика XVI и якобы заявившем: «Если бы послушались моего совета, я бы его спас»¹²¹. Но вновь – никаких доказательств.

«Треть Конвента была роялистской», – уверенно писал Ж.Г.М.Рок, граф де Монгайяр, дворянин и роялистский шпион, побывавший во Франции еще при монтаньярах¹²². Едва ли. Однако эти свидетельства заставляют поставить вопрос о том, возможно ли в принципе по прошествии двухсот лет выяснить, кто из депутатов Конвента в 1795 г. разделял установки и стремления роялистов?

На этом пути мне видится целый ряд трудностей, и нередко весьма принципиальных. Прежде всего, начиная с конца 1792 г. обвинение в роялизме могло стоить карьеры, а то и жизни. Более того, оно регулярно использовалось против едва ли не всех политических противников монтаньяров – жирондистов, дантонистов, эбертистов¹²³, – а затем и против самого Робеспьера¹²⁴. К 1795 г. оно давно уже стало привычным политическим ярлыком, удобным для наклеивания на оппонента, независимо от того, тяготел ли он к правым на самом деле. И, напротив, привыкнув подстраиваться под политическую доминанту, вчерашние и завтрашние правые из всех сторон старались выглядеть левыми. «Можно заметить, что сегодня все роялисты стали республиканцами, все бриссотинцы – монтаньярами»¹²⁵, – заявлял Робеспьер в ноябре 1793 г.

Иными словами, едва ли можно ожидать от депутатов чистосердечного признания в симпатии сторонникам монархии. Компрометирующие документы старались не хранить, что существенно понижает шансы на успех при поисках в архивах. Письма роялистов нередко шифровались, и далеко не все к сегодняшнему дню расшифрованы, тем более что для сохранения секретности использовались не современные алгоритмы, поддающиеся анализу путем простого перебора, а специальные таблицы, в которых определенным именам и понятиям соответствовали другие имена или цифры. Не имея таких таблиц, догадаться, кто скрывался под тем или иным псевдонимом, практически невозможно.

Второй сложностью станет стремительное изменение в ту эпоху политического кредо – не только депутатов Конвента, но сотен и тысяч людей, так или иначе вовлеченных в революционный поток. Нередко, хотя и далеко не всегда, оно действительно имело место: выше я уже упоминал о том, что многие роялисты образца 1789 г. превращались в республиканцев образца 1794 г. Порой эта смена убеждений происходила реально, порой диктовалась соображениями личной выгоды – фактически, с каждым случаем необходимо разбираться отдельно. В итоге если, к примеру, уже упоминавшийся Анри Ларивьер в 1797 г. проходит в переписке легитимистов как убежденный сторонник Людовика XVIII¹²⁶, это отнюдь не означает, что он являлся таковым и в 1795 г. (хотя, разумеется, и не исключает этого).

И, наконец, третья трудность – попытка составить более или менее полный список роялистов в Конвенте потребовала бы годы и годы кропотливой работы, поскольку свидетельства современников и документы, которые могли бы лечь в его основу, рассеяны во времени и пространстве и требуют тщательного сопоставления между собой. Не случайно даже в популярных книгах, специально посвященных тем же Баррасу и Тальену, их авторы либо ограничиваются туманными намеками на существование неких компрометирующих бумаг¹²⁷, либо вовсе обходят эту щекотливую тему – по крайней мере, говоря о Термидоре¹²⁸.

Таким образом, реальное решение проблемы видится мне возможным лишь после появления капитальных, основанных на архивах трудов, посвященных конкретным депутатам Конвента¹²⁹. Однако и сейчас можно сказать, что подозрения, высказанные в адрес целого ряда названных выше членов Конвента, кажутся не лишены оснований.

Один из таких депутатов – несомненно, Камбасерес, при Термидоре трижды избиравшийся в Комитет общественного спасения, а впоследствии ставший консулом, канцлером Империи и герцогом Пармским. «Я совершенно не удивлен, что Камбасерес – один из тех, кто стремится к возвращению королевской власти, – писал 10 октября 1795 г. граф д'Антрэг, создавший во Франции целую сеть осведомителей, работавших сразу на несколько европейских дворов. – Я был знаком с ним и нередко с ним виделся. Это весьма умный человек, и если что меня в нем и удивляло, так это то, что он подчиняется людям, которыми наверняка командовал бы в другие, не ослепленные страстями времена»¹³⁰.

Российский поверенный в делах в Генуе А.Г.Лизакевич докладывал в Петербург о любопытном разговоре, свидетелем которого стал один из его агентов. Весной 1795 г. Камбасерес рассказывал, что 25 марта 1795 г. Б.Ф.Бартелими, руководитель французской делегации на переговорах в Базеле¹³¹, написал ему о своем разговоре с Гарденбергом¹³². Тот будто бы заметил, что в Париже, «среди тех, кто мыслит», существуют три партии: одна – за Генриха Прусского, вторая – за герцога Шартрского и третья «думает о маленьком мальчугане, дав ему в регенты принца Конде». «Его спросили, какую из этих трех партий он предпочитает. Смеясь, он ответил: «Республику»¹³³. Однако в той же депеше есть и другая информация: 12 апреля 1795 г. Камбасерес обронил, «что если во Франции когда-нибудь и понадобится король, то надо, чтобы им стал принц Генрих Прусский»¹³⁴.

С Камбасересом связана и еще одна история, которая до сих пор вызывает немало вопросов. Очевидно, что роялисты были на том этапе в минимальной степени заинтересованы в быстром принятии новой конституции, закрепляющей в стране республиканскую форму правления. Однако именно весной Конвент создает Комиссию семи для выработки «органических законов» (дополнений) к Конституции 1793 года. Итог работы этой комиссии не может не удивлять. Всего через месяц, 29 жерминаля (18 апреля) Камбасерес выступил от ее имени с докладом, «в котором вовсе не предлагал изменения Конституции. В его лице комиссия как бы признала свое бессилие или свою робость и требовала, чтобы возложенная на нее работа была передана в другие руки»¹³⁵.

И в самом деле, доклад Камбасереса содержит широкий план реформ, касающихся едва ли не всех сфер управления. При этом депутат постоянно делает вид, что его комиссии поручили только лишь изучить сам предмет, а разрабатывать конкретные законы должна какая-то совершенно другая комиссия Конвента. С логической точки зрения его выступление более чем странно: предложить создать комиссию, чтобы сделать то, для чего одна комиссия уже была создана. И не исключено, что прав был Ларевельер-Лепо, считавший, что Камбасерес тянул время не случайно, действуя по указке агентов Бурбонов и пребывая в уверенности, что всякое промедление благоприятствует планам реставрации монархии¹³⁶.

Небезынтересно, что если встать на эту точку зрения, то можно найти в источниках свидетельства и второй попытки Камбасереса задержать принятие конституции. На заседании 24 мессидора (5 июля) он внезапно предложил, чтобы раз в декаду Комиссия одиннадцати зачитывала Конвенту все статьи Конституции, принятые за предыдущую неделю, а депутаты вновь высказывали бы по ним свои замечания. Можно себе представить, на какой срок это растянуло бы дискуссию, и трудно обвинить в мании преследования отвечающего ему все того же Ларевельера-Лепо – тот отметил, что именно об этом и мечтает Англия¹³⁷.

Другой депутат, чьи симпатии к монархии представляются вполне вероятными – Буасси д'Англа, человек весьма влиятельный в термидорианском Конвенте, бывший одно время членом Комитета общественного спасения, входивший в Комиссию одиннадцати и даже представлявший депутатам ее конституционный проект. Многие современники были уверены в том, что он – скрытый роялист¹³⁸, а переворот 18 фрюктидора, после которого Буасси был внесен в проскрипционные списки, только укрепил эту уверенность. Его бумаги были захвачены полицией, однако, в них мне не удалось обнаружить ни малейшего намека на связи с роялистами¹³⁹; в то же время известно, что в 1795 г., по крайней мере конституционные монархисты состояли с ним в переписке и высоко оценивали его политическую деятельность. Так, например, П.В.Малуэ писал в то время Ж.Малле дю Пану: «Буасси д'Англа – один из самых честных людей в Конвенте (это не о многом говорит, однако он, по крайней мере, не голосовал за казнь короля и первым начал произносить разумные речи в этом собрании каннибалов); так вот, Буасси д'Англа делал мне немало комплиментов и продемонстрировал мне свой интерес; недавно я с верной оказией отправил ему письмо»¹⁴⁰.

Любопытная перекличка с действиями Камбасереса: по свидетельству Ларевельера-Лепо, также входившего в Комиссию одиннадцати, Буасси, «решительно выступивший ни много ни мало сторонником возвращения королевской власти Бурбонов», появлялся на заседаниях Комиссии поздно, после полудня, требовал отчет обо всем, что произошло в его отсутствие, настаивал на возобновлении при нем всех дискуссий с самого начала, поскольку он-де не имел возможности высказать свое мнение, призывал членов Комиссии поменьше заседать и почаще бывать в Конвенте, после чего вскоре уходил. Присутствуя на заседаниях, поддерживал самые радикальные предложения, надеясь, что это ускорит крах конституции; одним словом, старался сделать все, чтобы не допустить ее принятия. Однако Комиссия все же выбрала докладчиком именно его, надеясь, что это завоюет проекту голоса роялистов, у которых Буасси пользовался большим уважением¹⁴¹.

Третий депутат, которого нередко называют в числе роялистов¹⁴², – это аббат Сийес, автор прогремевшего перед Революцией памфлета «Что такое третье сословие?». Широко известен его ответ на вопрос, чем он занимался во времена диктатуры монтаньяров: «Я оставался жив». При Термидоре Сийес стал членом Комитета общественного спасения, затем был отправлен с секретной миссией для подписания мирного договора с Голландией, а еще позднее входил в ту самую Комиссию семи, от имени которой выступал Камбасерес.

Наряду с Буасси д'Англа и Камбасересом, Сийес принадлежал при Термидоре к числу наиболее влиятельных депутатов. «Сийес, Камбасерес и Буасси Данглас суть три члена сей Конвенции кто всем управляет»¹⁴³, – сообщал в Петербург из Лондона граф Воронцов. Однако истинные симпатии Сийеса проследить едва ли не сложнее всего, и не в последнюю очередь потому, что он нередко предпочитал оставаться в тени, играя роль «серого кардинала», и это заставляло современников видеть его руку за самыми разными событиями – от революционного Трора и заговора Бабефа до интриг в пользу герцога Орлеанского. В любом случае, если Сийес и делал авансы правым, то исключительно в своих собственных интересах, точно также, как в 1815 г. он подпишет петицию Сената, призывающую на трон Людовика XVIII, поучаствовав тем самым, как не без восхищения отмечает один из его биографов, «в своем пятом государственном перевороте»¹⁴⁴.

Хотя свидетельства о роялизме Сийеса весьма многочисленны, к ним, на мой взгляд, следует относиться с особой осторожностью. Так, например, один из английских агентов во Франции сообщал в апреле 1795 г. о том, что ряд «якобинцев», как по-прежнему порой называли депутатов Конвента, в отчаянии от ухудшающейся экономической ситуации в стране, подготовили заговор с целью возвести на трон монарха из Орлеанской династии и якобы во главе этого заговора стоит именно Сийес¹⁴⁵. Немного позднее уже российские дипломаты сообщали, что по отправленной им в середине августа информации из Швейцарии, «Сийес говорил о «королевском кучере», который будет управлять Конституцией. … Однако, прежде чем осмелиться выступить с таким предложением, необходимо вычистить, устранить слишком несговорчивых депутатов»¹⁴⁶.

Отметим также, что в личных бумагах Сийеса мной были обнаружены копии двух крайне любопытных писем, датированных 1 и 2 января 1795 г. и отправленных из Лондона. Их автор рекомендует адресату (оба никак не обозначены) некоего господина Пюизэ¹⁴⁷, которого характеризует следующим образом: он «столь же добрый роялист, сколь вы и я»¹⁴⁸. Если автора, исходя из контекста, и можно с определенными основаниями отнести к достаточно влиятельным эмигрантским кругам, то догадаться о личности адресата трудно и, разумеется, я далек от того, чтобы утверждать, будто оба письма адресованы непременно Сийесу. Однако он все же должен был иметь резонные причины для того, чтобы при всей своей осторожности хранить столь опасные бумаги в личном архиве. Были ли они адресованы ему или какому-либо другому депутату – все это уже в области предположений.

Подобные «досье» можно подобрать по целому ряду членов Конвента: роялистов в те годы искали все. Искали коллеги, чтобы арестовать и отправить в тюрьму. Искали эмиссары графа Прованского, готового щедро вознаградить тех, кто поможет ему получить корону: генералу Пишегрю, бывшему всего 15 лет назад простым солдатом, был обещан маршалский жезл¹⁴⁹. Д'Антрэг сообщал, что в Комитете общественного спасения есть верный ему человек – Гамон¹⁵⁰ – и многие действительно считали того роялистом. Еще один французский эмигрант уверял, будто Тальен и Ж.Б.Треяр¹⁵¹ не сомневались, что «англичанам проданся» Ж.Б.Р.Линде, другой член Комитета общественного спасения, еще со дня его создания¹⁵². Через Гарденберга и Симолина в Петербург доходили слухи о «проекте генерала Пишегрю и Мерлена из Тионвиля заставить провозгласить королем Людовика XVII»¹⁵³ – того самого Мерлена из Тионвиля, который якобы заявлял, что если нация захочет иметь во главе страны короля, то так тому и быть.

Отдельная история была связана с осенью 1795 г., когда противодействие декретам о двух третях и арест одного из роялистских агентов вызвали целую волну обвинений депутатов в скрытом монархизме, приведшую к аресту двух из них – Ж.-Б.М.Саладена¹⁵⁴ и Ж.-С.Ровера¹⁵⁵, якобы заверивших Людовика XVIII, что по крайней мере сотня депутатов Конвента желает восстановления монархии¹⁵⁶.

Россыпь имен... Роялизм одних депутатов представляется весьма вероятным, других – значительно более сомнительным. Одни имена повторяются, другие же не упоминаются вовсе: никто не подозревает в симпатиях правым Ларевельера-Лепо, Бодена, Барера и многих других видных термидорианцев, что также весьма показательно и говорит, на мой взгляд, о том, что обвинение в роялизме могло быть использовано отнюдь не против любого, но, вместе с тем, и напоминает об опасности обобщений. Так, распространенное утверждение, что «термидорианцы оставались республиканцами»¹⁵⁷ требует, на мой взгляд, весьма осторожного применения.

Однако сюжет с роялистами в стенах Конвента заставляет вспомнить и о другой специфике революционной эпохи. Если учесть упомянутую выше быструю смену политических пристрастий в 1789-1795 гг., если не забывать об отсутствии партий и нечеткость как границ «фракций», так и их устремлений¹⁵⁸, можно прийти к выводу о том, что применительно к большинству деятелей того времени сложно говорить об *устоявшейся* системе политических взглядов. Из участников дискуссии по проекту Конституции III года (а все они выказывали себя с трибуны Конвента сторонниками республики) позднее, при Империи, почти 30% также были депутатами, более половины состояли на государственной службе, а почти 20% влились в ряды нового дворянства. Иными словами, изменение политического режима легко могло превратить монархиста в республиканца, как это нередко происходило в 1791-1792 гг. и наоборот, как это часто бывало во времена Консульства и Империи¹⁵⁹.

Однако, в любом случае, в 1795 г. более или менее явное стремление (или, если говорить осторожнее, готовность) восстановить королевскую власть можно видеть едва ли не на всех ступенях социальной лестницы: и среди крестьянства, и у населения крупных городов, и в среде активных действующих политиков. Но, тем не менее, оно так и осталось нереализованным, республика во Франции простояла еще девять лет, а Бурбоны и вовсе взошли на трон только после поражения страны в наполеоновских войнах. В чем же причина того, что в 1795 г. роялисты во Франции так и не смогли одержать победу?

«Воздвигнуть трон на трупах республиканцев...»

Несомненно, стремление восстановить монархию на шестой год Революции не было всеобщим. Те слои населения, которые готовы были признать (или призвать) короля, во многом стремились сделать это не из абстрактной любви к Бурбонам и не из стремления вернуть легитимную власть, а в надежде, что король, если допустить определенное упрощение, окажется для них более выгоден, нежели республика. При нем должны были прекратиться те беды, с которыми ассоциировалась Революция: политическая нестабильность, война едва ли не со всей Европой, финансовый и продовольственный кризис, широкомасштабные репрессии, гонения на католическую религию. Одновременно, осознанно или нет, ожидалось, что новая и непременно стабильная власть даст в полной мере воспользоваться и теми благами, которые появились в 1789-1795 гг.: отменой сеньориального порядка, откупов и внутренних таможен, значительно более широкими возможностями для обогащения и продвижения в социальной иерархии. Для многих дополнительным и весьма важным условием была и гарантия недопущения новых репрессий – на сей раз уже за совершенное в годы Революции.

Идеальной фигурой, способной обеспечить такие гарантии, виделся в 1795 г. Людовик XVII – не случайно Мерлену (из Тионвиля) и генералу Пишегрю приписывали проект возведения на трон именно его. «Еще совсем ребенок, но легитимный король Франции, – писал А.Коббен, – он своим присутствием на троне примирил бы нацию с ее правительством; от его имени и с помощью обновленной Конституции 1791 года новые правители Франции могли бы находиться у власти, не боясь контрреволюции и, следовательно, не прибегая к террору»¹⁶⁰. Иностранные принцы подходили на эту роль значительно хуже. Основными претендентами считались, как мы видели, герцог Йоркский и Генрих Прусский, но длившиеся уже три года военные действия активизировали восприятие и Англии, и Пруссии в качестве давних врагов Франции (унижение Семилетней войны отнюдь не было забыто). Французские принцы также едва ли способны были стать символами объединения нации: граф д'Артуа успел прочно зарекомендовать себя как сторонник безоговорочного возвращения Старого порядка, популярность принца Конде, несмотря на все его амбиции, была не велика,

герцог Орлеанский еще не успел накопить собственный политический капитал, к тому же его не красили ни переход к австрийцам вместе с Дюмурье, ни репутация отца, принявшего имя Филиппа Эгалитэ и голосовавшего за казнь Людовика XVI, хотя даже Робеспьер как-то сказал: «Эгалитэ, пожалуй, единственный член Конвента, который мог бы от этого уклониться»¹⁶¹.

Кандидатура Людовика XVII казалась тем более удачной, что хотя Месье и провозгласил себя регентом «по праву рождения, равно как и в силу основных законов королевства»¹⁶², ни Мария-Антуанетта, которая тогда была еще жива, ни большинство государей не признали его прав на регентство. И ничто не исключало возможности создания специального регентского совета, который мог бы управлять страной от имени малолетнего короля, попытавшись примирить Революцию и монархию¹⁶³.

Свидетельства о том, что ряд членов Конвента действительно рассматривал различные варианты участия Людовика XVII в политической жизни страны разрознены и, безусловно, требуют отдельного изучения. Небезынтересно, что среди прочих в 1795 г. обсуждалась и та модель, которая была впоследствии с успехом реализована Луи-Наполеоном: введение президентского поста как первый шаг на пути перехода к монархии. Сторонники учреждения должности президента были, если верить воспоминаниям Тибодо, и в самой Комиссии одиннадцати¹⁶⁴.

Другая весьма таинственная история связана с миром, заключенным 17 февраля 1795 г. между Конвентом и значительной частью вандейских повстанцев во главе с генералом Шареттом. Сами обстоятельства заключения этого мирного договора и трогательное единодушие, которое демонстрировали после него республиканцы и роялисты, становятся значительно более понятны, если принять во внимание свидетельства о том, что представители Конвента обещали Шаретту передать в скором времени после заключения мира власть в стране Людовику XVII. Так, в английских архивах сохранился отчет, направленный 6 августа лорду В.Гренвиллю (в то время министру иностранных дел) бароном де Нантиатом, только что вернувшимся из поездки на континент к Шаретту. В нем приводятся записи разговоров с этим едва ли не самым влиятельным вождем мятежников, в которых прямо говорится, что он был обманут депутатами Конвента и их уполномоченными на переговорах. «Рюэль и Канкло заверили меня, – утверждал Шаретт, – что хотят восстановить Короля»¹⁶⁵.

Однако, каковы бы ни были эти планы, все они потерпели крах в начале июня 1795 г., когда Конвент официально объявил о смерти Людовика XVII. Провозглашение королем графа Прованского под именем Людовика XVIII резко и неожиданно для многих заинтересованных сторон изменило расклад в лагере правых.

В то же время, это изменение мне представляется отнюдь не столь простым, как оно порой подается. Основываясь на бесспорной мысли о том, что «роялисты были разделены»¹⁶⁶, историки нередко пишут о том, что «роялизм, фактически, был ярлыком, прикрывавшим два течения с наполнением не только различным, но и прямо противоположным»¹⁶⁷. Как отмечал Ж.Рюде, это были «"ультра", требовавшие возвращения к 1787 г. и полного восстановления Старого порядка, и конституционные монархисты, которые, в общем и целом, стремились вернуться к Конституции 1791 г.»¹⁶⁸. В рамках этой логики Людовик XVII рассматривается как монарх, на которого делали ставку монархисты конституционные, а Людовик XVIII – как кандидат ультра, которые «ничего не забыли и ничему не научились».

Однако эта схема, представляющаяся очевидной и убедительной человеку XX в., отнюдь не была таковой в веке XVIII. В отличие от России, где император мог назначать себе наследника по своему желанию, во Франции выбор «подходящего» монарха был априорно невозможен в силу самих представлений о сакральности королевской власти. И даже если принять во внимание их существенное ослабление ко времени Революции, *законный* король во Франции мог быть только один – тот, кто *унаследовал* престол у своих предков. Пересмотр этих концепций, по большей части, начался только во второй половине XVIII в. с распространением во Франции теории общественного договора, предусматривавшего, что нация вручает власть тем лицам, которые представляются ей наиболее для этого подходящими, сохраняя за собой право изменить свое мнение. Но, хотя в революционном дискурсе эти идеи и занимали прочное место, говорить об их укорениии на французской почве можно лишь применительно ко второй половине XIX в., когда на престоле уже побывала целая череда монархов, не имевших на него ни малейшего наследственного права – от Наполеона I до Луи-Филиппа.

В связи с этим, хотя в 1795 г. и обсуждались различные варианты возведения на трон «незаконного» государя, всерьез они рассматривались, по большей части, либо правительствами иностранных держав, не имевших аналогичных традиций¹⁶⁹, либо политиками нового поколения, для которых принцип легитимности королевской власти либо вовсе не играл роли, либо отходил на второй план перед соображениями общественного блага, целесообразности и личной выгоды¹⁷⁰. Как показали дальнейшие события, возведение на трон популярного революционного генерала было принято основной массой населения страны либо благосклонно, либо равнодушно, но едва ли можно предугадать, какова была бы реакция, если бы на престол попытался сесть принц непопулярный или, того хуже, иностранный.

Иными словами, хотя большинство роялистов эпохи Революции были свободны в оценках монарха и служба государю оставалась проблемой личного выбора, они были далеки от того, чтобы подбирать короля себе по вкусу¹⁷¹. И это становится ясно видно, если посмотреть на высказывания и поступки лидеров тех двух правых течений, которые обычно противопоставляются друг другу.

«Симпатии конституционных монархистов, – отмечает В.Ю.Сергиенко со ссылкой на Ж.Ж.Мунье, Малуэ и Малле дю Пана, – были полностью на стороне Людовика XVII, которого они считали законным монархом (*Roi légitime*) и полагали, что его права на престол должны быть восстановлены»¹⁷². В то же время, по понятным причинам граф Прованский не питал большой любви к сторонникам ограничения королевской власти – один из его приближенных, граф де Ла Фар, вспоминал, что в 1791-1794 гг. принц даже не отвечал ему на письма¹⁷³, считая, что он слишком тесно связан с конституционными монархистами, в частности, с игравшими значительную роль в Учредительном собрании братьями Ламет.

И, тем не менее, едва ли отношения между этими двумя сторонами можно охарактеризовать, как противостояние – напротив, они постоянно стремились к поиску общего знаменателя, который позволил бы не ослаблять сторонников монархии внутренними дразнящими. Так, например, в феврале 1795 г. граф Прованский обратился к Мунье, одному из влиятельных конституционных монархистов, с пространственным письмом¹⁷⁴, в котором изложил свое политическое кредо. Примерно в это же время принцы предлагали поступить к ним на службу другим лидерам конституционалистов – Малуэ и Ф.-Д.Монлозье¹⁷⁵. Не торопясь отвечать согласием, те, в свою очередь, использовали любой способ, чтобы заявить о своем стремлении объединить контрреволюционные силы, полагая, что залог этого – единство целей¹⁷⁶.

Однако и после смерти Людовика XVII ситуация не изменилась. Установив контакт с Малле дю Паном, граф д'Артуа запрашивает летом 1795 г. его мнение о ситуации во Франции, и Малле передает Людовику XVIII специально составленный меморандум, содержащий его размышления по основному кругу проблем, волновавших в то время короля в изгнании¹⁷⁷, а Т.Ж.Лалли-Толандаль отправляет в Верону свой проект декларации¹⁷⁸. Таким образом, на изменение тактики и стратегии правых повлияло не то, что за Людовиком XVIII стояли другие группировки роялистов, а ряд принципиально иных факторов.

Прежде всего, если ранее устремления и политические взгляды законного государя по очевидным причинам во внимание не принимались, и те силы, который оказались бы способны обеспечить реставрацию монархии, могли рассчитывать на проведение от имени Людовика XVII наиболее удачной, с их точки зрения, политики, то отныне и сами шансы правых на успех, и последствия этого успеха начинали существенно зависеть от гибкости и адекватности нового короля. Отсюда и то множество проектов различной идейной направленности, которыми засыпают его эмигранты с первых же дней царствования.

Следует оговорить, что попытки убедить Людовика XVIII в необходимости сделать поправку на реалии 1789-1795 гг. отнюдь не были безнадежными. И в период жизни в Версале, и в эмиграции Месье неоднократно проявлял себя как достаточно гибкий политик, не чуждый лавированию и компромиссу¹⁷⁹ – примером служат и проекты конституции Франции, разрабатывавшиеся в его окружении в первой половине 1794 г.¹⁸⁰, и уже упоминавшееся письмо Мунье, составленное в весьма умеренном тоне.

В связи с этим, трудно согласиться с бытующей в историографии оценкой графа Прованского, как «непримиримого приверженца абсолютистского режима»¹⁸¹. Не случайно в качестве образца для подражания он избрал Генриха IV¹⁸² – короля, отвоевавшего себе трон, опираясь не только на силу, но и на разумный компромисс; уничтожившего Лигу, но пощадившего лигистов¹⁸³. Оказавшись в эмиграции, Месье демонстративно противопоставлял себя Людовику XVI, подчеркивая его мягкость, нерешительность, склонность искать пути примирения с Революцией, что привело того в итоге к потере и жизни, и короны. Однако при этом граф Прованский отнюдь не выказывал себя человеком, не готовым осознать, что тысячелетняя французская монархия никогда уже не станет такой, как прежде.

Другое дело, что, как и любой политический деятель, Людовик XVIII стремился свести уступки к минимуму, корректируя свою позицию в зависимости от той информации, которой располагал¹⁸⁴. И если конституционные монархисты, в частности, Малле дю Пан, испытывали весьма умеренный оптимизм по поводу шансов на реставрацию монархии и предостерегали короля против того, чтобы делать ставку на армии эмигрантов и интервентов, то его собственные осведомители, равно как и многие придворные, напротив, рисовали картину в более чем радужных тонах и активно давали Людовику XVIII советы, основанные на весьма приблизительном представлении о происходящем¹⁸⁵.

Убедив короля, что Франция созрела для реставрации, и достаточно державам коалиции одержать первые победы, как все в едином порыве поднимутся против республики, они тем самым убедили его предстать перед своим народом в образе короля сурового и непреклонного, готового простить заблуждавшихся, но решительно отказывающегося в прощении цареубийцам, обещающего не компромисс с Революцией, а решительный возврат к благословенному прошлому¹⁸⁶. Не осознавая тот длинный ряд оговорок, которыми французы обуславливали (эксплицитно или имплицитно) готовность вернуться к монархии, Людовик XVIII, составляя свое первое официальное обращение к подданным, Веронскую декларацию, совершил роковую политическую ошибку: и ее тон, и обнародованные в ней принципы ясно продемонстрировали умеренной части роялистов и правым депутатам Конвента, что вынашиваемые ими планы примирения старых и новых элит отныне невозможны¹⁸⁷. Как емко, хотя и не без раздражения, написал Малле дю Пан (если, конечно, верить газетам), Людовик XVIII «может поставить на Франции крест; он ее больше не увидит, разве что на географической карте»¹⁸⁸.

Тем самым в истории борьбы с республикой начался принципиально новый этап, характеризовавшийся во многом иными проектами и иной расстановкой сил. Пребывая в уверенности, что успехи войск эмигрантов и появление на французской территории одного из принцев приведут к быстрому краху республики, Людовик XVIII летом 1795 г. возлагал основные надежды не на переговоры с депутатами Конвента, а на измену генерала Пишегрю, стоявшего во главе Рейнской армии¹⁸⁹, и на высадку роялистов на полуострове Киберон¹⁹⁰, состоявшуюся в конце июня. В случае успеха движение должен был возглавить граф д'Артуа, уже отплывший к берегам Франции.

Однако переговоры с Пишегрю затянулись, а высадившиеся на Кибероне эмигранты меньше чем за месяц были разбиты республиканцами под командованием Л.Гоша. Планы Людовика XVIII рухнули, как карточный домик. Император Австрии так и не позволил ему прибыть к армии Конде. Французские дипломаты добились его высылки из Вероны. Практически ни одна европейская страна его не признала¹⁹¹.

Просчеты Людовика XVIII существенно уменьшили пространство для маневра и у тех сторонников реставрации, которые находились внутри Франции. Король, сулящий возвращение Старого порядка, едва ли был бы принят с восторгом основной частью населения страны – по крайней мере, в обозримом будущем. Все это заставляло делать ставку на постепенный, парламентский путь перехода к монархии, благо одобрение Конвентом Конституции III года республики и вынесение ее на референдум сулило выборы в новые органы власти.

Однако на пути этих планов встали уже упоминавшиеся выше «декреты о двух третях», призванные обеспечить большинство в новом Законодательном корпусе бывшим членам Конвента. Сомнения в законности этой меры привели к тому, что декреты были поставлены на голосование одновременно с текстом конституции – в случае утверждения народом они приобретали, таким образом, силу своеобразного конституционного закона.

По письмам с мест, десятками приходившим в различные комитеты Конвента летом-осенью 1795 г. легко проследить, что роялисты в этих условиях выбрали единственно возможную тактику: они поддерживали принятие конституции, активно выступали против «декретов о двух третях» и старались провести максимальное число разделявших их идеи выборщиков и, соответственно, депутатов. «Представители, – предупреждали членов Конвента в одном из таких посланий, – повсюду торжествуют аристократия и фанатизм. Наши выборщики – не кто иные как священники, дворяне, сеньоры, преступные аристократы»¹⁹². По всей стране «хотят вновь воздвигнуть трон на трупах республиканцев», сообщали из другого департамента. Везде «отцы защитников родины – мишень для постоянных оскорблений родственников и друзей неприсягнувших священников и эмигрантов». Первичные собрания заполнены «бывшими дворянами»¹⁹³. И это далеко не единичные примеры.

Показателем успеха роялистов на выборах служат цифры, приведенные в статье Ж.-П.Сюратто, специально занимавшегося этим вопросом. Предупредив об известной погрешности своих подсчетов, он полагает, что из 234 депутатов, избранных свободно (т. е. не подпадавших под «декреты о двух третях»), в Законодательный корпус прошло 49 «контрреволюционеров» и 68 «умеренных роялистов», тогда как республиканцев – всего 56¹⁹⁴, вдвое меньше! Не рискуя интерполировать эти данные на выборы в целом и предполагать, что было бы, если бы не «декреты о двух третях», замечу, тем не менее, что победа правых выглядела весьма убедительно.

Однако среди членов Конвента, получивших места в Совете пятисот и Совете старейшин цифры были совсем иными: 44 роялиста и 389 сторонников республики. А «декреты о двух третях», несмотря на мизерное число поданных за них голосов и многочисленные протесты (выпившиеся, среди прочего, и в парижское восстание 13 вандемьера IV года Республики¹⁹⁵), были признаны получившими одобрение народа и вступили в действие одновременно с самой конституцией. Правым же оставалось уповать на то, что Законодательный корпус должен был ежегодно обновляться на одну треть – и действительно в 1797 г. их преобладание в нем уже не вызывало сомнений.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ * РЕСТАВРАЦИЯ

Подводя итоги, мне хотелось бы отметить, что даже первое, во многом еще только намеченное пунктиром исследование деятельности правых на шестом году Французской революции приводит к выводу о том, что они отнюдь не представляли собой маргинальное политическое течение, которое можно не принимать в расчет, сосредоточившись на трансформации политического режима при переходе от Термидора к Директории. Завершение деятельности Конвента, общая усталость от экономических и социальных потрясений, стремление к миру и стабильности предоставляли роялистам уникальный шанс воплотить в жизнь свои чаяния.

Однако на другой чаше весов в 1795 г. оказались не менее существенные факторы: смерть Людовика XVII, роковые ошибки Людовика XVIII, «декреты о двух третях», заключение мира с рядом европейских держав. Конвент сумел сохранить республику и основные завоевания Революции. Но едва ли кто-то мог предполагать, что всего через четыре года созданная им система рухнет, открывая дорогу долгому правлению Наполеона и – реставрации монархии.

Примечания

¹ Nora P. République // Furet F. Ozouf M. Dictionnaire critique de la Révolution française. P., 1988. P. 834.

² Тарле Е.В. Жерминаль и прериаль. М., 1957. С.67, 70.

³ Из последних французских публикаций см., например: La Vendée. Après la Terreur, la reconstruction. P., 1997; La Contre-Révolution en Europe (XVIII-XIX-e siècles). Réalités politiques et sociales. Résonances culturelles et idéologiques. Rennes, 2001; из отечественных работ см.: Летчфорд С.Е. Вандейская война 1793-1796 гг. Некоторые теоретические проблемы // Новая и новейшая история. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1998. С. 59-81; Мягкова Е.М. Крестьянство Вандеи накануне и в период Французской революции (1789-1793): исследование социокультурного развития: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ТГУ. Тамбов, 2001.

⁴ Если во Франции наблюдается значительное угасание интереса к этому сюжету, то в нашей стране, напротив, им начинают заниматься все больше и больше. См., например: Сергиенко В.Ю. Французская революция глазами конституционных монархистов (опыт эмиграции) // ФЕ. 2001. М., 2001. С. 187-200; Она же. Французские конституционные монархисты в эмиграции: группа Мунье, Малюз, Малле дю Пана в 1794-1795 годах // Всеобщая история. Современные исследования. Брянск, 2002. Вып. 11. С. 63-71; Ростиславлев Д.А. Людовик XVIII и политическая программа французской эмиграции в эпоху революции конца XVIII в. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // ФЕ. 2000. М., 2000. С.176-200.

⁵ См., например, раздел «Le Midi et la Terreur blanche» в кн.: Le tournant de l'an III. Réaction et Terreur blanche dans la France révolutionnaire. Actes du 120e congrès national des sociétés historiques et scientifiques. P., 1997.

⁶ Из относительно последних таких работ см.: Dupuy R. Réaction thermidorienne et royalisme // 1795. Pour une République sans Révolution. Colloque International. Rennes, 1996.

⁷ Tocqueville A. de. Fragments sur la Révolution : deux chapitres sur le Directoire // Tocqueville A. de. L'ancien régime et la révolution. P., 1988. P.388.

⁸ Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978. P.124. (Русский перевод: Фюре Ф. Постигание французской революции. СПб., 1998. С.82, представляется мне не до конца точным.)

- ⁹ Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. Термидор, или Миф о конце Революции // Вопросы истории. 1999. № 3. С.149-161.
- ¹⁰ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С.202.
- ¹¹ Mathiez A. La réaction thermidorienne. P., 1929. P.23.
- ¹² Манфред А.З. Указ.соч. С.203.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Kuscinski A. Dictionnaire des conventionnels. Yvelines, 1973. P.579.
- ¹⁵ Charles-Vallin T. Tallien. Le mal-aimé de la Révolution. P., 1997. P.241.
- ¹⁶ Sydenham M.J. The First French Republic. L., 1974. P.41.
- ¹⁷ Cobban A. A History of Modern France. Middlesex, 1963. Vol.1. P.248.
- ¹⁸ Engrand F. Ange Pitou. P., 1899. P.106.
- ¹⁹ Baudin P.-C.-L. Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze. P., an III. P. 11-12. Отметим, что еще в флореале Боден писал: «Эта единодушная отмена королевской власти – Д.Б., прошедшая без единого протеста, была лишь выражением воли департаментов, как это доказывают протоколы собраний выборщиков, составленные во время провозглашения депутатов» Baudin P.-C.-L. Anecdotes et réflexions générales sur la constitution, par P.C.L. Baudin, député par le département des Ardennes; Imprimées par ordre de la Convention nationale. Floréal, l'an III. P., an III. P.3. Однако обратим внимание на то, что другой член Комиссии, А.К. Тибодо в своих мемуарах признает: Комиссия не хотела, чтобы форма правления обсуждалась в первичных собраниях. Thibaudeau A.-C. Mémoires sur la Convention et le Directoire. P., 1824. Vol.1. P.180.
- ²⁰ Baudin P.-C.-L. Du fanatisme et des cultes. P., an III. P.3.
- ²¹ Здесь явно звучит отголосок старого спора о том, кем же, на самом деле, являются депутаты Конвента: «представителями народа», как они это сами утверждают, или же лишь его «уполномоченными», должными действовать на основе явно выраженного «мандата». Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. «Разум и воображение республики»: законодательная власть в Конституции 1795 года // Всеобщая история. Современные исследования. Брянск, 2002. Вып. 11. С.45-47.
- ²² Quelques réflexions sur l'acceptation de la Constitution de 1795, adressées à la Nation française. Nemours, 6 fructidor, an 3e. P.6.
- ²³ Le libre penseur. 1795. N 3. P.77.
- ²⁴ Жан Тома Элизабет Рише-Серизи (1754-1803) – при Термидоре издатель одной из самых популярных контрреволюционных газет *L'Accusateur Public*, тираж которой порой доходил до 10 000 экземпляров. Сыграл значительную роль в восстании 13 вандемьера, имел репутацию признанного роялиста.
- ²⁵ L'Accusateur public. 1795. N VI-VII-VIII. P.40.
- ²⁶ Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф.93. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. 1795 г. Д.518. Л.43.
- ²⁷ Archives Nationales (далее – А.Н.). С.227, d.183 bis * 3/3. Doc.82.
- ²⁸ Ibid. С.229, d.183 bis * 6/1. Doc.2.
- ²⁹ Словосочетание может показаться удивительным, однако это отнюдь не так. С одной стороны, еще Руссо писал: «Я называю Республикою всякое Государство, управляемое посредством законов, каков бы ни был при этом образ управления им». (Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 178). С другой стороны, сама идея совмещения на переходный период монархических и республиканских принципов правления казалась весьма привлекательной – не случайно впоследствии она фактически была реализована Наполеоном.
- ³⁰ А.Н., С 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 6.
- ³¹ Mauzaris Cl. Autopsie d'un échec: la résistance à l'anti-révolution et la défaite de la contre-révolution // Les résistances à la Révolution. P., 1987. P.240.
- ³² Gazette nationale ou le Moniteur universel (далее – Moniteur). N 331, an III. P. 1331.
- ³³ Danican A. Notice sur le 13 vendémiaire, ou les parisiens vengés. S.l., 1796. P.7.
- ³⁴ Baczkó B. Comment sortir de la Terreur. Thermidor et la Révolution. P., 1989. P.353.
- ³⁵ Danican A. Op. cit. P. 112.
- ³⁶ Lefebvre E. Considérations politiques et morales, sur la France. P., an VI. P.2.
- ³⁷ Лучшей работой на эту тему мне представляется очерк: Ozouf M. Thermidor ou le travail de l'oubli // Ozouf M. L'Ecole de la France. Essais sur la Révolution, l'utopie et l'enseignement. P., 1984.
- ³⁸ Ferrand de. Des causes qui ont empêché la contre-révolution en France et considérations sur la révolution sociale. Berne, 1795. P.224, 239.
- ³⁹ Allonville A.F. Mémoires secrets de 1770 à 1830 par M. le comte d'Allonville. P., 1841. Vol. 3. P. 399.
- ⁴⁰ Marmont A.F.L. Mémoires du duc de Raguse de 1792 à 1832 imprimés sur les manuscrits original de l'auteur. P., 1857. Vol. 1. P.82.
- ⁴¹ Характерно, что автор добавляет при этом: «Состояние, в котором находился Конвент, было точным слепком с того, в котором находилась Франция». Larevellière-Lépeaux L. Mémoires de Larevellière-Lépeaux, membre du Directoire exécutif de la République française et de l'Institut national publiés par son fils. P., 1895. Vol.1. P.246.
- ⁴² Historical Manuscripts commission. Report on the Manuscripts of J.B. Fortescue, Esq., preserved at Dropmore. L., 1899. Vol.III. P.64.

- ⁴³ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп.32/6. 1795 г. Д.1143. Л.80-80об.
- ⁴⁴ Он сохранил за собой этот пост и после того, как Революция заставила его покинуть территорию страны.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф.93. Сношения России с Францией. Оп.93/6. 1795 г. Д.518. Л.36.
- ⁴⁶ Там же. Ф.35. Сношения России с Англией. Оп.35/6. 1795 г. Д.458. Л.84об.
- ⁴⁷ Там же. Ф.32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. 1795 г. Д.839. Л.2об.
- ⁴⁸ Там же. Ф.93. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. 1795 г. Д. 518. Л.160.
- ⁴⁹ Против проголосовал лишь один департамент – Мон-Террибль. – *Moniteur*. N 4, l'an IV.
- ⁵⁰ Подробнее о логике этих подсчетов и особенностях референдума см.: *Бовыкин Д.Ю.* Референдум и выборы 1795 года во Франции глазами современников // *Актуальные проблемы всеобщей истории*. Ростов-на-Дону, 2002. Вып.1. С.95-114.
- ⁵¹ *Allonville A.F.* Op.cit. Vol.3. P.339.
- ⁵² Декреты Конвента от 5 и 13 фрюктидора (22 и 30 августа). Подробнее см.: *Bovykine D.* Les décrets de «deux tiers», l'ambition du pouvoir, ou une mesure indispensable // *Le tournant de l'an III*. P.43–53.
- ⁵³ См., например: *Aulard A.* Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1898. Vol.1. P.669. 18 апреля 1795 г.
- ⁵⁴ См., например : *Ibid.* P. 712. 10 мая 1795 г.
- ⁵⁵ См., например: *Ibid.* P.545. 9 марта 1795 г.
- ⁵⁶ *Ibid.* P.765. 3 июня 1795 г.
- ⁵⁷ Имеется в виду народное восстание 12 жерминаля III года республики.
- ⁵⁸ *Gazette des Deux Ponts*. 1795. 15 avril. N 102.
- ⁵⁹ A.N. C227. D.183 bis * 3/2. Doc73.
- ⁶⁰ *Projet de Constitution*. Envoyé le 26 floréal, an 3e de la République, à la Convention Nationale, par le citoyen Dauxion, de la Commune de Limoux (département de l'Aude). A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc.126. P.II, VI.
- ⁶¹ A.N. C 228. D.183 bis * 4/2. Doc.69.
- ⁶² См., например, письмо Лавалля (департамент Майенн) Сийесу от 1 термидора III года. A.N. 284 AP 9. Doss.5.
- ⁶³ Для времен Революции это слово служило синонимом религиозности.
- ⁶⁴ *Merlin R.* Merlin de Thionville d'après des documents inédits. P., 1927. P.590. Эту картину может быть любопытно сравнить с приведенном в обращении местных жителей рассказом о пребывании в Верхней Вьенне депутата Ф.А. Шовена: «Он увидел покровительство эмигрантам, их родителей и друзей, украшенных должностями, и оружие, поднятое на патриотов». *Adresse des citoyens composant la section de l'Union, commune de Limoges, département de la Haute-Vienne, légalement convoqués en assemblée primaire, le 25 fructidor, troisième année républicain*. A la Convention Nationale. S.l., s.d. P. 4. См. также: *Bodin P.-J.-F.* Représentant du Peuple, délégué près les Armées des Côtes de Cherbourg, des Côtes de Brest et de l'Ouest au Comité du Salut public. Alençon, 29 fructidor, an III. A.N. C 230. D. 183 bis * 8/3. Doc.128.
- ⁶⁵ A.N. 284 AP 9, d.5.
- ⁶⁶ Например, Ж.-Ф.Варле отмечал, что нередко, обвиняя в контрреволюционности, судьи «понимали под этим оппозицию революционному правительству», дни которого были уже сочтены. *Varlet J.F.* Gare l'explosion. S.l., an III. P.4. А А.Дюмон, выступая в Конвенте, говорил, что «сегодня всех называют роялистами. Это имя дается всем патриотам, даже мне, которого называли террористом шесть месяцев назад». *Moniteur*. N 322, an III. P.1295.
- ⁶⁷ Так, например, *Annales de la République française* сообщали, что якобинцы специально расклеивают по ночам декларации Людовика XVIII, чтобы заставить власти ополчиться на роялистов. *Annales de la République française*. 19 fructidor (5 septembre 1795.). N 345. P.1.
- ⁶⁸ *Issartel J.-L.* La réaction de l'an III au cœur d'un foyer de la moyenne vallée du Rhône // *Le tournant de l'an III*. P. 525.
- ⁶⁹ *Bourdin Ph.* Le Puy-de-Dôme sous le Directoire. Clermont-Ferrand, 1990. P.247-248.
- ⁷⁰ *Moulinas R.* Le département du Vaucluse en 1795 : la contre-révolution en marche? // *Le tournant de l'an III*. P.534.
- ⁷¹ *Lemarchand G.* La fin du féodalisme dans le pays de Caux. P., 1989. P.526, 531; *Idem.* Une contre-révolution impossible: le pays de Caux face à la Basse-Normandie. 1793-1800 // *Les résistances à la Révolution*. P.107-109.
- ⁷² *Adresse aux français, de la part de tous les Chefs des armées Catholiques & Royalistes, au nom de Sa Majesté très-chrétienne Louis XVII, Roi de France & de Navarre*. S.l., s.d. P.5.
- ⁷³ *Adresse des français à leurs malheureux compatriotes encore sous le joug de la Convention*. Londres, 1795. P.3.
- ⁷⁴ A.N. C 229, d.183 bis* 7/1. Doc.9.
- ⁷⁵ Луи Жозеф де Бурбон, принц де Конде (1736-1818) – принц крови, покинул страну вскоре после взятия Бастилии, командовал армией эмигрантов.

- ⁷⁶ Bulletin républicain. 16 messidor (4 juillet 1795.). N 286. P.1141.
- ⁷⁷ Courier républicain. 13 messidor (1 juillet 1795.). Vol.10. N 604. P.604.
- ⁷⁸ L'indicateur universel, ou tableau politique de la France et de l'Europe. 14 août 1795. N 268. P.1071.
- ⁷⁹ Journal des hommes libres. 8 fructidor (25 août 1795). N 83. P.327.
- ⁸⁰ Courier universel, 17 fructidor (3 septembre 1795).
- ⁸¹ *Petitain L.-G.* Un mot pour deux individus auxquels personne ne pense, et auxquels il faut penser une fois. P., an III. P. 13-14.
- ⁸² Courier républicain. 12 fructidor (29 août 1795). Vol.10. N 663. P.497-498.
- ⁸³ Courier universel. 28 prairial (16 juin 1795). P.2; 1 messidor (19 juin 1795). P.1; 11 messidor (29 juin 1795). P.2-3.
- ⁸⁴ La Sentinelle. 2 thermidor (20 juillet 1795.). N XXVII. P.106.
- ⁸⁵ Луи-Филипп, герцог Шартрский (1773-1850) – старший сын герцога Орлеанского (Филиппа Эгалитэ), будущий король Франции (1830-1848). Газета называет его тем титулом, который он носил при Старом порядке и в начале Революции; на самом же деле после казни отца в ноябре 1793 г. Луи-Филиппа правильно было бы называть герцогом Орлеанским.
- ⁸⁶ Фредерик Август, герцог Йоркский (1763-1827) – второй сын английского короля Георга III. В 1793-1795 гг. командовал в войнах во Фландрии английскими войсками, сражавшимися против революционной Франции.
- ⁸⁷ Месье – титул графа Прованского, брата Людовика XVI, провозгласившего себя в июне 1795 г. Людовиком XVIII. *Le Censeur des journaux.* 17 fructidor (3 septembre 1795). N 7. P. 2. Едва ли это описание можно считать верным хотя бы потому, что в 1795 г. большинство роялистов едва ли были сторонниками герцога Орлеанского: его отец, депутат Конвента, многими воспринимался, как предатель.
- ⁸⁸ Quelques réflexions sur l'acceptation de la Constitution de 1795, adressées à la Nation française. Nemours, 6 fructidor, an 3e. P.13.
- ⁸⁹ *Furet F., Richet D.* La Révolution française. P., 1973. P.307.
- ⁹⁰ *Baudin P.-C.-L.* Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze. P., an III. P.12-13.
- ⁹¹ La Sentinelle. 3 thermidor (21 juillet 1795). N XXVIII. P.110.
- ⁹² См., например: *Journal des hommes libres.* 2 thermidor (20 juillet 1795). N 47. P.186-187.
- ⁹³ *Fronde.* De l'Armée du Nord, le 20 messidor, l'an troisième de la République française, une et indivisible. Frond, soldat républicain, à Messieurs les Royalistes, Anarchistes et Buveurs de sang de toute espèce. P., an III. P.2-3.
- ⁹⁴ *Annales de la République française.* 3 thermidor (21 juillet 1795). N 299. P.1
- ⁹⁵ Rapport et décrets sur le prompt jugement des Emigrés trouvés sur le territoire de la République. P., an III.
- ⁹⁶ Courier universel. 18 floréal (7 mai 1795.). P.2-3.
- ⁹⁷ См. например: *Annales de la République française.* 26 floréal (15 mai 1795). N 232. P.1.
- ⁹⁸ Текст относится уже к IV году республики.
- ⁹⁹ *Baudin P.-C.-L.* Eclaircissements sur l'article 355 de la Constitution, & sur la liberté de la Presse. P., an IV. P.17.
- ¹⁰⁰ АВПРИ. Ф.93. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. 1795 г. Д.518. Л.37.
- ¹⁰¹ Courier républicain. 6 messidor (24 juin 1795). Vol.9. N 597. P.439-440.
- ¹⁰² Имеется в виду 2 сентября 1792 г. – дата начала т.н. «сентябрьских убийств», когда врывавшаяся в тюрьмы толпа на протяжении четырех дней вершила самосуд над многими заключенными при молчаливом попустительстве Дантона, бывшего тогда министром юстиции и членом Клуба кордельеров.
- ¹⁰³ La Sentinelle. 9 messidor (27 juin 1795). N IV. P.3.
- ¹⁰⁴ *Merlin J.-P.-R.* Essai ou considérations politiques sur les révolutions de France. Albi, 1795. P.24.
- ¹⁰⁵ *Lenoir-Laroche J.J.* De l'esprit de la Constitution qui convient à la France, et examen de celle de 1793. P., an III. P.65. Автор специально подчеркивал, что хорошая конституция вполне может сделать из таких людей республиканцев.
- ¹⁰⁶ *Lauraguais B., Dastin Ch.* Opinion du Censeur, sur la Conjuration du 30. Chauny, an 3. P.6-7.
- ¹⁰⁷ *Danican A.* Le fléau des tyrans et des septembriseurs, ou Réflexions sur la révolution française. Lausanne, 1797. P.31.
- ¹⁰⁸ АВПРИ. Ф.35. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. 1795 г. Д.460. Л.10об.
- ¹⁰⁹ АВПРИ. Ф.32. Сношения России с Австрией. Оп.32/6. 1795 г. Д.840. Л.54.
- ¹¹⁰ Скорее всего, здесь имеется в виду не собственно группировка «бешеных», а в принципе все проякобински настроенные силы.
- ¹¹¹ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп.32/6. 1795 г. Д.835. Л.165-165об.
- ¹¹² *Castille H.* Histoire de soixante ans. P., 1863. Vol.4. P.174.

- ¹¹³ *Вандаль А.* Возвышение Бонапарта. Ростов-на-Дону, 1995. Т.1. С.17.
- ¹¹⁴ *Тарле Е.В.* Указ.соч. С.61.
- ¹¹⁵ *Thureau-Dangin P.* Royalistes et Républicains. P., 1888. P. 31. А. Луиго считает, что переговоры велись с Тальеном, но за его спиной, несомненно, стоял Баррас. *Louiget A.* Baudot et St-Just ou les secret de la force des choses. P., 1976. P.251. А Р.Фюок уверена, что в переговорах участвовал не только Тальен, но и другие депутаты. *Fuoc R.* La réaction thermidorienne à Lyon (1795). Lyon, 1989. P.56.
- ¹¹⁶ *Fryer W.R.* Republic or Restoration in France? 1794-7. Manchester, 1965. P.4; *Louiget A.* Op.cit. P.245.
- ¹¹⁷ *Baudot M.-A.* Notes historiques sur la Convention Nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants. Genève, 1974. P.39, 75, 257.
- ¹¹⁸ *Larevellière-Lépeaux L.* Op.cit. Vol.1. P.205, 235.
- ¹¹⁹ Lahaie. Вероятнее всего, имеется в виду Ж.Ш.Г. Делаайэ (*Delahaye*), вместе с жирондистами боровшийся против Конвента. Другой депутат, Ж.Ф.Бурсо даже утверждал, что видел Делаайэ среди шуанов. *Kuscinski A.* Dictionnaire des conventionnels. Yvelines, 1973. P.189.
- ¹²⁰ *Larevellière-Lépeaux L.* Op.cit. Vol.1. P.256.
- ¹²¹ *Allonville A.F.* Op.cit. Vol.3. P.339, 354.
- ¹²² *Montgaillard M.-J. de.* The State of France in may 1794. L., 1794. P.1.
- ¹²³ См., например, речь Сен-Жюста «О дантонистах»: *Сен-Жюст Л.А.* Речи. Трактаты. СПб., 1995. С. 139 и след. Другой вопрос, насколько оно было оправданным, однако и здесь все далеко не просто: скажем, А. Матьез (при всей неоднозначности его монографии) высказывал уверенность, что обвинения в адрес Дантона не были беспочвенными. *Матьез А.* Новое о Дантоне. М.-Л., 1928. С.142-143.
- ¹²⁴ Подробнее см. главу «Robespierre-roi...» в: *Baczko B.* Comment sortir de la Terreur.
- ¹²⁵ *Robespierre M.* Œuvres. P., 1967. Vol.10. P.166.
- ¹²⁶ Archives du ministère des Affaires étrangères (далее – ААЕ). Mémoires et documents (далее – MD) France. Vol.592. F.159v.
- ¹²⁷ *Bourquin M.-H.* Monsieur et Madame Tallien. P., 1987. P.283.
- ¹²⁸ *Le Nabour E.* Barras, le vicomte rouge. P., 1982. P.322.
- ¹²⁹ Такие труды в последние десятилетия, действительно, появляются, правда, увы, преимущественно не по тем депутатам, на которых падали подозрения в роялизме (см., например, отличную монографию, изданную на основе диссертации: *Leuwers H.* Un juriste en Politique. Merlin de Douai (1754-1838). Arras, 1996.) В то же время книга К. Ле Бозек, посвященная Буасси д'Англа (*Le Bozec C.* Boissy d'Anglas, un grand notable libéral. Aubenas d'Ardèche, 1995), на мой взгляд, не очень удачна.
- ¹³⁰ Recueil de la correspondance saisie chez Lemaître, et dont la Convention a ordonné l'impression. Paris, De l'Imprimerie de la République. Brumaire, an IV. P.71.
- ¹³¹ Кстати, самого Бартелеми также нередко подозревали в симпатиях к роялизму, за что он был арестован в 1797 г. после своего избрания членом Директории.
- ¹³² Карл Август фон Гарденберг (1750-1822) – министр Пруссии, участвовал в заключении Базельского мира.
- ¹³³ АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп.48/2. 1795 г. Д.92. Л.137-137об.
- ¹³⁴ Там же. Л.137.
- ¹³⁵ *Олар А.* Политическая история французской революции. М., 1938. С.372.
- ¹³⁶ *Larevellière-Lépeaux L.* Op.cit. Vol.1. P.228.
- ¹³⁷ Moniteur. N 299, an III. P.1204.
- ¹³⁸ *Thibaudeau A.-C.* Op. cit. P. 179; *Granier de Cassagnac A.* Histoire du Directoire. P., 1851. Vol.1. P.73. В работах Буасси уже после Реставрации об этом говорится практически открытым текстом, однако время их написания заставляет отнестись к этому утверждению с немалой долей осторожности. См., например: *Boissy d'Anglas F.A.* Essai sur la vie, les écrits et les opinions de M. de Malesherbes, adressé à mes enfants. P., 1819. P.284-285.
- ¹³⁹ А.Н. F7 4606. Что, разумеется, может говорить как о том, что подобных документов не существовало в природе, так и об осторожности самого Буасси.
- ¹⁴⁰ *Malouet P.V.* Mémoires de Malouet. P., 1874. Vol.2. P.440.
- ¹⁴¹ *Larevellière-Lépeaux L.* Op.cit. Vol.1. P.232-235.
- ¹⁴² См., например: *Bredin J.D.* Sieyès. La clé de la Révolution française. P., 1988. P.380.
- ¹⁴³ АВПРИ. Ф.35. Сношения России с Англией. Оп.35/6. 1795 г. Д.460. Л.10об-11.
- ¹⁴⁴ *Bredin J.D.* Op.cit. P.517.
- ¹⁴⁵ Historical Manuscripts commission. Vol.III. P.219.
- ¹⁴⁶ АВПРИ. Ф.48. Сношения России с Генуей. Оп.48/2. 1795 г. Д.94. Л.45.
- ¹⁴⁷ Инициалы в письме не стоят, однако логично предположить, что речь идет о графе Жозефе Женевьеве де Пюизэ (1755-1827) – одном из видных военачальников эмигрантов и шуанов, возглавившем в 1795 г. Киберонскую экспедицию, речь о которой пойдет ниже.
- ¹⁴⁸ А.Н., 284 AP 9. Doss.2.

- ¹⁴⁹ *Montgaillard M.-J. de. Mémoires secrets. P., an XII. P.47-48.* «Я бы провозгласил Пишегрю принцем крови, если бы это было необходимо для того, чтобы совершить восстановление монархии», – добавляет Монгайяр. Впрочем, в любом случае к его воспоминаниям следует относиться с осторожностью: не исключено, что они написаны и опубликованы по распоряжению Бонапарта.
- ¹⁵⁰ *Recueil de la correspondance saisie chez Lemaître... P.71.* Франсуа-Жозеф Гамон (1767-1832) – депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Ардеш. Выступал против того, чтобы Конвент судил Людовика XVI, близок к жирондистам. С октября 1793 г. скрывался от ареста. Вернувшись в Конвент при Термидоре, с июня 1795 г. становится членом Комитета общественного спасения.
- ¹⁵¹ Жан-Батист Трейяр (1742-1810) – при Термидоре дважды избирался в Комитет общественного спасения.
- ¹⁵² АВПРИ. Ф.74. Сношения России с Пруссией. Оп.74/6. Д.441. Л.25.
- ¹⁵³ Там же. Ф.93. Сношения России с Францией. Оп.93/6. Д.518. Л.41.
- ¹⁵⁴ Жан-Батист-Мишель Саладен (1752-1812) – депутат Законодательного собрания и Конвента, якобинец, монтаньяр, царубийца. Переворот 31 мая – 2 июня 1793 г. заставил его существенно поправеть. Во времена диктатуры монтаньяров находился в тюрьме. Впоследствии имел устойчивую репутацию роялиста.
- ¹⁵⁵ Жозеф-Станислас Ровер (1748-1798) – депутат Законодательного собрания и Конвента, член Комитета общей безопасности, царубийца. Несколько раз отправлялся в миссии, где, как говорили, тайно покровительствовал контрреволюционерам и преследовал республиканцев. Многие считали его скрытым роялистом.
- ¹⁵⁶ Подробнее см.: *Mitchell H. Vendémiaire, a Revaluation // The Journal of Modern History. IX.1958. Vol.XXX. N 3. P.197ss.*
- ¹⁵⁷ См., например: *Soboul A. La Révolution française. P., 1983. P.425.*
- ¹⁵⁸ О сложности выявления политической ориентации депутатов при Термидоре см.: *Бовыкин Д.Ю. «Отцы нации»: создатели Конституции III года Республики // ФЕ. 2001. М., 2001.*
- ¹⁵⁹ Разумеется, как и любое обобщение, этот тезис небезоговорочен. Так, например, Ларевельер-Лепо, видный термидорианец и член Директории, неизменно оказывался среди тех, кто готов был до последнего отстаивать свои убеждения. Как при монтаньярах он демонстративно покинул Конвент в знак протеста против исключения жирондистов, хотя сам к ним и не принадлежал, так и при Наполеоне он отказался присягнуть Империи и был уволен из Института.
- ¹⁶⁰ *Cobban A. Op.cit. P.249.*
- ¹⁶¹ Цит. по: *Tulard J. Fayard J.F.Fierro A. Histoire et dictionnaire de la Révolution française. P., 1987. P.1011.*
- ¹⁶² Цит. по: *Lever E. Louis XVIII. P., 1988. P.200.*
- ¹⁶³ Характерно, что эта идея была, что называется, «на слуху» и нередко звучала в речах депутатов Конвента, обличивших «заговорщиков». См., например, выступление Кутона от 16 марта 1794 г.: *Кутон Ж. Избранные произведения. 1793-1794. М., 1994. С.201-202.*
- ¹⁶⁴ *Thibaudeau A.-C. Op.cit. P.183.*
- ¹⁶⁵ *Historical Manuscripts commission. Vol.III. P.117.*
- ¹⁶⁶ См., например: *Soboul A. La Révolution française. P.426.*
- ¹⁶⁷ *Furet F., Richet D. Op.cit. P.307.*
- ¹⁶⁸ *Rude G. The French Revolution. L., 1996. P.120.*
- ¹⁶⁹ Очевидно, что как для Англии, так и для Священной римской империи идея избрания монарха или призвания его на престол не содержала в себе ничего противоестественного. В то же время, Екатерина II (при том, что России также приходилось избирать царей) жестко и неизменно высказывалась как раз в пользу законного наследования французского трона.
- ¹⁷⁰ Так, скажем, в русской дипломатической переписке нередко встречаются сведения о том, что после смерти Людовика XVII отдельные депутаты Конвента начали активно делать авансы герцогу Орлеанскому. См., например: АВПРИ. Ф.35. Сношения России с Англией. Оп.35/6. 1795 г. Д.459. Л.112об.
- ¹⁷¹ Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет именно об отношении к монарху – в остальном правые в 1795 г. были далеки от единства.
- ¹⁷² *Сергиенко В.Ю. Французские конституционные монархисты в эмиграции... С.68.*
- ¹⁷³ A.N. 198 AP 4. Doss.4. P.11.
- ¹⁷⁴ *Louis XVIII. Lettre du Roi Louis XVIII à M. Mounier, ex-Président de la 1re Assemblée constituante. Vérone, Février 1795. Bordeaux, Imp. de F.Degréteau, s.d.*
- ¹⁷⁵ *Malouet P.V. Mémoires de Malouet. Vol.2. P.422.*
- ¹⁷⁶ *Сергиенко В.Ю. Французская революция глазами конституционных монархистов... С.195.*
- ¹⁷⁷ *Mallet du Pan J. Mémoires et correspondance de Mallet du Pan pour servir à l'histoire de la Révolution française recueillis et mis en ordre par A.Sayous. P., 1851. Vol.2. P.149-150.*
- ¹⁷⁸ AAE. MD. France. Vol. 588. F.390-398.

¹⁷⁹ М. Рейнар даже высказывал уверенность, что для ультрароялистов он был слишком «боязлив», и они видели своим королем графа д'Артуа, тогда как Людовик XVIII делал ставку на конституционных монархистов. Едва ли эта мысль корректна, однако она видится мне достаточно показательной. *Reinhard M.* La France du Directoire. P., 1956. Vol.1. P.62.

¹⁸⁰ *Ростиславлев Д.А.* Указ.соч. С.186 и след.

¹⁸¹ *Манфред А.З.* Указ.соч. С.203.

¹⁸² См., например : *Louis XVIII.* Déclaration de Louis XVIII, Roi de France et de Navarre à ses sujets. S.l., s.d. P.3; *Idem.* Correspondance et écrits politiques. P., 1824. P.44-45.

¹⁸³ *Louis XVIII.* Lettre du Roi Louis XVIII à M. Mounier... P.7.

¹⁸⁴ Подробнее об источниках этой информации см.: *Godechot J.* La contre-révolution. Doctrine et action. P., 1984. Ch.X.

¹⁸⁵ Так, например, по воспоминаниям одного из агентов Людовика XVIII, окружение короля прилагало немалые усилия, чтобы убедить его вместо Англии ориентироваться на Испанию, тогда как та уже активно вела с Францией переговоры о мире. *Fauche-Borel, L. de.* Mémoires de Fauche-Borel. P., 1829. Vol.1. P.166.

¹⁸⁶ Второй (хотя и подчиненной первой) немаловажной причиной принятия Декларации именно в таком тоне мне видится явная для Людовика XVIII необходимость учитывать взгляды своего брата, чтобы не допустить нового раскола в лагере роялистов.

¹⁸⁷ В.Р. Фрайер специально отмечает (хотя и не приводит этому никаких доказательств), что именно после Веронской декларации промонархически настроенные депутаты Конвента и проголосовали за республиканскую Конституцию III года. *Fryer W.R.* Republic or Restoration in France? 1794-7. Manchester, 1965. P.39.

¹⁸⁸ *Le Censeur des journaux.* 16 octobre 1795 (24 vendémiaire). N 50. P.3.

¹⁸⁹ Подробнее см.: *Montgaillard M.-J. de.* Mémoires secrets.

¹⁹⁰ Подробнее см., например: *Champagnac J.-F.* Quiberon. La répression et la vengeance. P., 1989.

¹⁹¹ Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* Признание Людовика XVIII (взгляд из России) // Россия и Франция XVIII-XX века. М., 2003. Вып. 5.

¹⁹² А.Н. С 231, d.183 bis * 10/1. Doc.33.

¹⁹³ А.Н. С 231, d.183 bis * 10/3. Doc.109.

¹⁹⁴ *Suratteau J.-R.* Les élections de l'an IV // AHRF. N 1. 1952. P.47. Политические взгляды еще 61 депутата Сюратто определить затруднился.

¹⁹⁵ В отечественной историографии принято считать его роялистским, несмотря на то, что промонархический характер этого восстания убедительно оспаривал еще Н.И. Кареев. Подробнее см., например: *Кареев Н.И.* Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистским? Харьков, 1914.

* Это тот самый господин, который не стал адвокатом Шарлотты Корде. - *Ред.*

** А с этим господином можно познакомиться ближе на процессе Людовика XVI. - *Ред.*